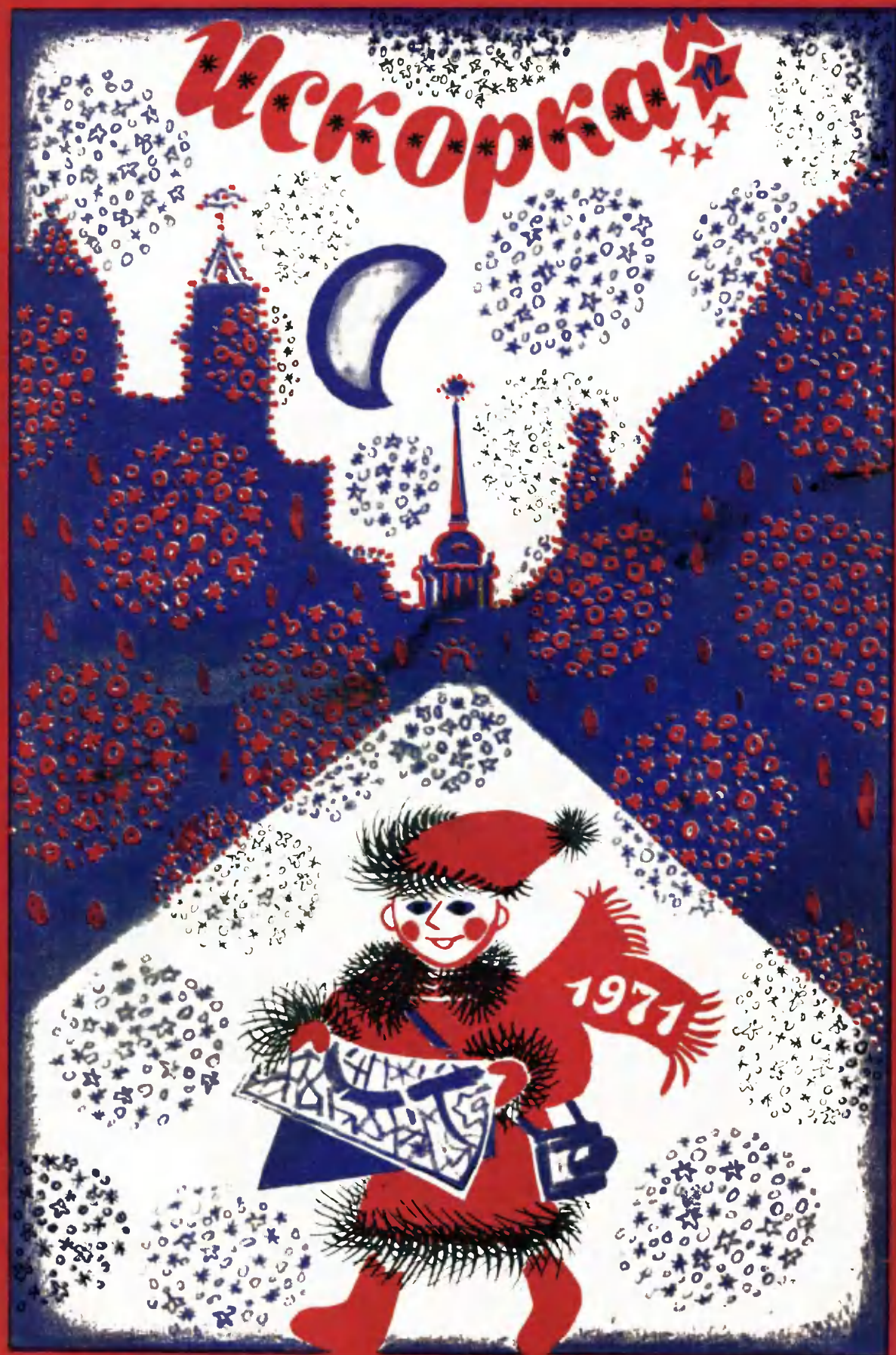

Искорка

газета
«Искорка» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ДЕКАБРЬ • 1970

год издания XIV

Семён КОГАН

Зимняя песенка

Берёзка
На ветру качается,
И ветки —
Тоненько звенят,
А снег идёт
И не кончается
Уже четвёртый
День подряд.

Растут сугробы
Небывалые,
Дома по пояс
В них стоят.
И снег вывозят
Самосвалами
Уже четвёртый
День подряд.

— Быть может, мы
Живём на полюсе! —
Смеясь, мальчишки
Говорят,
И бегают
На лыжах по лесу
Уже четвёртый
День подряд.

К зиме не сразу
Все привыкли мы,
Но каждый ей,
Конечно, рад.
Нам хорошо:
У нас каникулы
Уже четвёртый
День подряд.

Рис. В. Адаева

Валерий ШУЛЬЖИК

Рисунки П. Вискова

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО...

Белая снежная шапка набекрень да дымовая труба, словно курительная трубка, — вот вам и домик охотника. А рядом другой домишко, совсем крошечный, на четырёх старых пнях, как на лапах, стоит. Это охотничий лабаз. Над землёй он приподнят, чтобы мыши в него залезть не могли. Мышей ведь в лесу видимо-невидимо, всех крупной да сухарями не накормишь.

А вот едва заметный шалашик из снега и еловых лап. В нём пёс живёт. Охотник мог бы собаку и в дом брать, для двоих места хватит, да только не положено этого делать. Охотничий пёс должен под звёздами спать, запахи слушать, охотника остерегать. И охотничье ружьё тоже всегда на холоде ночует. Воткнёт его охотник у входа в избушку прикладом в снег или к стене прислонит. Нельзя охотничье оружие теплом баловать, иначе будет оно на морозе стынуть и в трудную минуту таёжника подведёт.

А вот едва заметная тропочка и ледяное окошко в снегу. Это речка. Только теперь она вся подо льдом и снегом, прорубь одна осталась. Через эту прорубь охотник речку ведром черпает, чтоб чай кипятить. А иногда и рыбу ловит.

Ранним утром, раньше первого дятла, стучит охотник в лесу, дрова рубит, завтрак готовит.

Ещё луна на небе, и последняя звезда горит, а охотник уже в путь вышел. Ружьё на плече, на ногах кленовые лыжи. В одной руке палка, в другой — лямка от саней. Сани тоже самодельные, у костра гнутые. На этих санях охотник к избушке мясо возит,

Охотничью собаку звать Индусом. Немолодая уже, прихрамывает на одну лапу да и хвоста нет. С виду так себе собачонка... Только цены ей нет! Хвост ей кабан перекусил. Было это прошлой зимой у брусничной сопки, там, где скала с рисунками древних охотников.

Огромный зверь выскочил из ягодника, увидел охотника, расвирипел, носом снег поднял. Охотник и карабин снять с плеча не успел. Нелегко бы ему пришлось, такого зверя охотничьим ножом не одолеешь. Только пёс своё дело знает. Бросился он на кабана и зубами в густую шерсть мёртвой хваткой вцепился. Злится кабан, крутится на одном месте, хочет собаку со спины сбросить. Тяжело псу, и страшно, и больно... Только не может он кабана оставить и удрать в безопасное место: хозяина надо выручать. Тут карабин своё слово сказал.

Хруп да хруп... Скрипят на морозе охотничьи лыжи. Идёт охотник, о чём-то своём думает. Иногда остановится, скинет варежку и пальцем звериный след пробует. Снег твёрдый, а значит, и след старый. Идти по этому следу нет никакого смысла.

А пёс своим делом занят. Кружит он по лесу без остановки. То вперёд забежит, то назад вернётся. Посмотрит на хозяина, ухом мотнёт, дескать пока ничего нового. А охотник и сам это знает. Это его участок, и он здесь почти все следы помнит.

Вот и старый лосиный след. Ещё до пороши заходил лось на остров, стрелолист под снегом искал. А этот маленький след — соболиный. Прямым шёл соболь, видно, перебирался на новое место.

Впереди чёрная груда камней видна. Раньше над водой скала возвышалась. Года два назад молния в неё ударила. Нет теперь скалы, одни камни остались. А над ними пар, словно большой белый гриб. Это в реке полынья дымится.

Снял охотник с плеча ружьё, лыжи скинул, неслышно стал к полынье подходить. А пёс знает, в чём дело, к этой же полынье с другой стороны крадёт. Вдруг — лай, визг, фыркание... Охотник бегом к полынье. Видит, сидит пёс у самой воды грустный-грустный. А на краю полыньи рыбий хвостик лежит. Поторопился пёс, хотел выдру от полыньи отогнать, а она его лапой — и в воду.

Охотник только головой покачал и к саням повернул. А пёс ещё погрустил немного, но рыбий хвостик доел. Не пропадать же добру.

В этих местах охотник промышляет норку и соболя. Соболя теперь совсем мало осталось, а норка есть. На звериных тропах в снегу капканы стоят. Их у охотника сотни две-три, а то и больше. И каждый в неделю два-три раза проверить нужно, перетрясти, переставить.

Пока охотник с капканами возится, пёс поодаль

сидит. Нельзя ему рядом топтаться, следы оставлять. Да и не любит пёс капканьей охоты — больше ружью доверяет.

Огромный солнечный шар движется над тайгой, словно перешагивает с одной кедровой вершины на другую. От деревьев на снегу огромные тени. В лесу словно два леса — обычный и теневой.

Устали человек и собака, уже не так быстро идут. Вдруг встрепенулся пёс, уши поднял, на хозяина глянул. Охотник ружьё с плеча, варежки в снег и запасной патрон в карман телогрейки.

Видит охотник — на снегу свежий след лося, а чуть поодаль, слева и справа, два волчьих. Видно, попал лось в беду, выручать надо. Забыл охотник усталость. По следу бежит, а сам щекой ветер ловит... Нужно к волкам с подветренной стороны подобраться, чтоб они запаха не учуяли и не задали раньше времени дёру.

А волки охотой увлечены, не боятся, думают, что они в лесу самые сильные.

На повороте реки большой залом. Весенней водой река в этом месте нагроутила камней. Загнали волки лося в самую вершину залома, а сами в снег сели. Думают, как бы к лосю со спины подобраться. Тяжело дышит лось, бока у него так и ходят. А в глазах лосиных тоска и страх. Понимает: не уйти теперь.

Эхом пролетел выстрел в лесу, вспугнул птиц, поднял зайца, сладко дремавшего в сугробе. Один волк бежать бросился, а другой на снегу остался, словно заплата.

Спустился лось с залома и шагом пошёл. Видно, не было в нём больше силы для бега, устал.

Мигом догнал пёс лося, закружил вокруг, залаял. А сам на охотника поглядывает... Ну, что же ты, мол? Стреляй!

Охотник подошёл, волка ногой тронул и ружьё на спину.

— Индус, — позвал он.

Оставил Индус лося в покое и к хозяину подбежал. Стали они вдвоём волка рассматривать. Потом охотник костёр разжёг. С вершины старого пня в котелок снегу нагрёб и из этого снега чай сварил.

Лишь к ночи, усталые, добрались они до своей избушки. Идут и видят — над избушкой луна висит и из печной трубы вьётся синий стебелёк дыма. У дверей чужие лыжи и карабин. Видно, кто-то из охотников забрёл в эти места по звериной тропке и решил остаться в домике на ночлег.

Обрадовался охотник. Будет теперь с кем чаю попить, поговорить. А рассказать есть что: целый день по тайге ходили, капканом двух норок добыли, случайно подстрелили волка и спасли лося.

Обезьяна уистити

Все переезжают из старых квартир в новые, а мы из новой переехали в старую. Раньше мы жили на проспекте Гагарина, в новом доме. А теперь поменялись с соседями бабушки Бубы и деда Серёжи и переехали к ним на Петроградскую, в старый-старый дом, где мама прожила всё детство.

Моя новая школа — тоже старая, в ней ещё мама училась. Но мне от этого не легче. Всё равно это чужая школа и чужой класс, уже, наверное, сдружившийся, плотный — ни за что не втиснешься. Да ещё не с первой четверти. Да ещё не с первого урока, а с третьего.

Меня сажают к незнакомой девочке. И вообще это ужасная парта — первая в средней колонке, вплотную к учительскому столу. Но сейчас она мне даже нравится: чужой класс шелестит и дышит у меня за спиной. Куда страшнее было бы оказаться сразу в самой его гуще! Все сейчас оглядывались бы, рассматривали меня, как моя соседка. Она в упор глядит на меня из-под рыжей чёлки, даже с виду жёсткой, как проволока. На груди у неё, словно орден, сияет номерок от раздевалки, продетый сквозь лямку передника.

Разговаривать нельзя — учительница Нина Петровна совсем рядом. Соседка пишет на промокашке: «Тебя — Ира?» — «Да. А ты — Лариса?» (Я уже на тетрадке прочитала). «Лучше — Лара, а не Лариса». «Почему?»

— Не твоё дело! — неожиданно злобно шипит Ларка.

— Беляева и Серебрякова, — ровным голосом произносит Нина Петровна. — Вы успеете познакомиться на перемене. И на второй парте... — она слегка приподнимает

ся со стула. — Та-ня! Шушуканье слышу...

Действительно, сзади кто-то по-минутно нашёптывает: «Опилкин, переверни ручку. Опилкин, ты опять...» Там, на второй парте — девочка с прекрасной, толстой, словно плетёная булка, золотой косой. Рядом с ней круглоголовый, коротко стриженный мальчишка в очках. Он всё время пытается писать обратным концом ручки.

Везёт, наверное, этому Опилкину. Сидит с такой девочкой, а сам как маленький. Вот бы с этой девочкой дружить! А то посадили с какой-то рыжей злыдней. Рычит ни с того ни с сего...

Большая перемена. Я стою одна в коридоре, возле окошка. Кругом шумят, бегают, пахнет пылью — всё обыкновенное, переменочное, как у нас. Только коридор здесь темнее и неуютнее. Или это день такой sereneкий?

Кого, интересно, посадили к моей Наташке? И с кем она теперь ходит на переменах? Ей-то ещё хорошо — у неё там всё-таки остались Лиза, Колька, Лена. А вот мне...

К моему окну вдруг подходят те самые, со второй парты — Опилкин и девочка с золотой косой. Она раскрывает пёструю книжку совсем не учебникового вида, а Опилкин, поглядывая на неё, принимает носком ботинка ковырять в батарее.

Сбоку мне видно, как тёмный зрачок девочки, следуя за строчкой, перемещается из угла в угол глаза. К ней всё время подходят, и она нехотя отрывает глаза от книги, каждый раз снисходительно и как будто немного устало улыбаясь.

— Моро, возьми пирожок!

— Спасибо, я сыта.

— Моро, какой у Юрика новый фонарик! Его крутишь, а он жужжит, жужжит и зажигается! Пошли, он покажет.

— Он мог бы прийти и сам.

— Моро, гляди, я принёс. Ты хотела посмотреть?

— А, фонарик! Действительно, очень мило жужжит.

Наверно, весь класс успел подойти к ней за эти полперемены. Кроме Ларки. Она стоит у соседнего окна и внимательно следит, как снаружи перебегают по стеклу дождинки, то сливаясь в одну, то снова разбегаясь. Она ни к кому не подходит. И к ней — никто.

— Почему тебя так называют? — робко спрашиваю я у Моро.

— Моро? Это они всё придумывают, — говорит она, так же устало улыбаясь. — Я — Таня Морозова.

— Моро — гораздо красивее и больше ей подходит, — вмешивается Опилкин. — И так фамилия сократительнее.

— А можно, я тоже буду называть тебя Моро?

— Разве я могу запретить? — пожимает она плечами.

— Что ты читаешь, Моро?

— «Тусю».

— Так называется? А мне потом дашь почитать?

— После Моро будет читать Галя Зотова, — опять встречает Опилкин. — А после неё...

— Дима, — говорит Моро укоризненно. — Ты наверняка пойдёшь в суфлёры.

— Это которые в театре подсказывают артистам, если они забывают, — скороговоркой объясняет мне Опилкин. — На сцене есть специальная буфлёрская судка.

— Суфлёрская будка, — привычно поправляет его Моро, пощипывая кончик косы. Он почему-то бледно-фиолетовый.

— Это что, в чернилах?

— Крыса вчера обмакнула! — выпаливает Опилкин. — Подошла сзади с чернильницей, схватила косу и...

— Перестань, Дима, — отмахивается Моро. — Лучше расскажи, —

поворачивается она ко мне, — где ты раньше училась?

Оказывается, с Моро совсем не страшно разговаривать. Вот сейчас я ей отвечу, а потом её о чём-нибудь спрошу. И она мне тоже ответит. И на следующей перемене будем разговаривать. И всегда. Только подумать — с самого первого дня я подружусь с такой девочкой!..

Но ответить я не успеваю. Возле нас останавливается высокая смуглая девочка. У неё серьёзное и напряжённое лицо, словно переполненное какой-то важной новостью.

— Я звонила, Моро, — отрывисто докладывает она.

— Надеюсь, ты не сказала, что это по моему поручению?

— Что же я, не соображаю? Ответили, что позвать его к телефону не могут. Он заболел, и неизвестно когда выйдет. Скажи, Моро, ты беспоко...

— Сейчас не время это обсуждать, Галя, — перебивает её Моро и быстро оглядывается на меня, взмахнув ресницами. — Пойдём.

И они, взявшись под руку,вливаются в поток таких же чинных, медленно плывущих парами по коридору, чужих девочек.

Опилкин снимает очки, делает по несколько выдохов на каждое стекло и протирает их платком.

— Понятно, — говорит он печально и в то же время почти хвастливо. — Это насчёт Витьки Ключева. С Моро, понимаешь, даже из седьмого класса дружат! Вот только эта... Крысая Рыжа... то есть Рыжая Крыса. Вечно хочет быть не как все. Вечно выгибается. Уж если она Моро... против самой Моро...

Он долго ещё бубнит про Моро и эту Рыжую Крысу, как будто мне интересно. Ни капельки мне не интересно. Лучше я ни с кем здесь разговаривать не буду, если так. Буду в эту школу ходить, чтобы учиться, вот и всё. А дружить можно как раньше — с Наташкой и Колькой. Далеко — ну да уж раз в неделю съезжу к ним на метро. Старый друг лучше новых двух.

Учительница географии, Галина Николаевна, рассказывает по классу, объясняя урок. Вот она идёт по проходу между колонками к последним партам, и мы с Ларкой оказываемся у неё за спиной. Ларка сразу поворачивается ко мне:

— Ты знаешь, все считают, что моя парта самая плохая — разговаривать совсем нельзя...

— А мне-то что, — я всё равно ни с кем здесь разговаривать не собираюсь.

— Не думай, парта хорошая, — шепчет Ларка, и тут я в первый раз вижу, как она улыбается. Хитрая-хитрая и какая-то страшно быстрая улыбка. Она мгновенно прорезает острое, вытянутое Ларкино лицо от уха до уха, и оно становится совершенно круглым. Кажется даже, будто рыжие завитки волос у неё на висках слегка подпрыгивают, подброшенные улыбкой.

— У Нины Петровны, конечно, не поговоришь. Она почти весь урок за столом, и мы у неё перед самым носом. А вот у Галины Николаевны — болтай сколько влезет!

Ларкина улыбка вот-вот перескочит ко мне на лицо. Но я вспоминаю «не твоё дело».

— На уроках слушать надо, а не болтать.

Беляева, сверкнув своим номерком-орденом, резко отодвигается. Больше мы не разговариваем.

Из школы я иду одна. Трудно привыкать к Петроградской стороне. Садики здесь — сами по себе, на углах улиц. У нас в Московском районе таких самостоятельных садилов нет, у нас сами дворы — садики. Да у нас и дворов нет таких, чтобы у каждого дома — свой. А здесь дома плотно обхватывают собой свои узкие каменные дворы. В них можно попасть только через ворота. А у нас — никаких ворот, входи откуда хочешь!

До чего тут разные дома! Какие-то неравноправные. Одни скучные, плосколистые. Зато другие разукрашены со всех сторон. Над парадной голова какого-то героя в шлеме с гребнем, над каждым окном — по сове, а над воротами летят навстречу друг другу, трубя в длинные трубы, женщины в сборчатых каменных одеждах. Некоторые парадные выезжают далеко на тротуар своими узорчатыми чугунными навесами. Другие — наоборот, прячутся в глубь дома, и вход тёмный и таинственный, как в пещере.

Я иду и краешком глаза слежу, как по другой стороне улицы шагает, помахивая чёрным портфелем, Ларка. Не отстаёт и не обгоняет, идёт всё время вровень со мной. Нарочно? Или просто ей со мной по пути?

Внезапно Ларка перебегает ко мне. Мы молча идём рядом. Про-

ходим дом... другой. Неудобно всё время молчать. О чём бы спросить?

— Ты уже читала «Тусю»?

— Которую Морозова читает? — быстро говорит Ларка. — Морозова думает, что только у неё интересные книжки. Знала бы она, какие у меня дома... Хочешь, пойдём ко мне, покажу.

— Меня дома ждут.

— Ну, ненадолго! У меня знаешь какие открытки! Почти весь Русский музей!

Чего она ко мне пристала? Зовёт к себе, как будто хочет дружить. А утром?.. Не пойду я к ней. Решила же — ни с кем здесь не водиться.

— У тебя, наверное, родители дома... Неудобно.

— Неудобно чай со сковородки пить. И потом их нет. Дома только Владька. Это мой брат, но он в первом классе и не считается.

— Всё равно не могу. Бабушка будет беспокоиться.

Ларка останавливается, тряхнув головой:

— Хорошо! Я тебе покажу... обезьянку!

— Игрушечную?

— Вот ещё! Живую!

— Ври больше.

— Вот посмотришь. Идём!

— А какая она?

— Увидишь.

— Откуда она у вас?

— Узнаешь.

Я иду следом за Ларкой по её Шамшевой улице, соседней с нашей, Гатчинской. Ларка больше не уговаривает меня пойти к ней — знает, что пойду. Добилась своего. Ну и пусть. Зато я увижу обезьяну. Может быть, это обезьяна уистити. Мамина подруга, тётя Кира, которая работает стюардессой на транспортном судне и плавает через Атлантику, этим летом привозила такую обезьяну. Но я её не видела — была на даче с бабушкой Бубой. А когда мы вернулись, тётя Кира уже снова ушла в плавание, а Чикку отдала в зоопарк. Можно, конечно, посмотреть её в зоопарке — только какой же интерес?

Ну, ничего — теперь я буду ходить к Ларкиной обезьянке и носить ей кедровые орешки. Для обезьянки это заграничные фрукты, потому что откуда им быть там, за океаном? Обезьянка будет прямо со шкафа прыгать ко мне на плечо и грызть орешек, придерживая его руками, как человек — яблоко. А потом она вдруг взлетит на фikus и начнёт лазать по нему вверх-вниз, как будто это пальма. Соскочит — опять прямо ко мне на плечо и будет расчёсывать меня гребёнкой, как Чика тётю Киру.

Если она будет мёрзнуть зимой, я принесу ей старое кукольное пальто. Ей подойдёт, она же маленькая, только хвост длинный.

Мне с ней ни о чём не нужно будет разговаривать. Она и так меня полюбит. Больше, чем Ларку. Потому что я буду любить её в двести раз больше, чем Ларка. И, может быть, Ларка в конце концов увидит это и подарит мне её. Или поменяется на что-нибудь... У Ларки всё так быстро меняется! Утром огрызается, а после уроков ведёт к себе в гости. Сегодня скажет: «Ишь, чего захотела!», а завтра возьмёт и отдаст обезьянку. А если так — никого мне не нужно будет в этой школе! Наташа с Колькой в Московском районе, а дома — настоящая живая обезьянка!..

Мы стоим на площадке шестого этажа перед Ларкиной дверью. Здесь гулко, прохладно и сумрачно. Свет с трудом пробивается сюда сквозь зелёные, синие и красные пупырчатые стёкла лестничного окна. Ларка роется в карманах, ищет ключ. Её острый подбородок решительно и сердито выдвинут вперёд. Похоже, ей не так уж и хочется вести меня к себе в гости. Тогда — зачем ведёт? Уйти, что ли?

Но поздно — мы в передней. Здесь совсем темно.

— Никого, — шепчет Ларка. — И Владьки нет. Это хорошо. А то уши — во, язык — во...

Я чувствую — она показывает в темноте, какие у Владьки уши и язык. Щёлкает выключатель, и сейчас же прямо передо мной загора-

ются два огненных глаза. Оленья голова глядит на меня, высунувшись из стены.

— Что ты! Это же вешалка.

И правда, на развесистых рогах оленья болтаются кепка и цветастый платок. Оленьи глаза двумя светлыми туманными пятнами отражаются в блестящей чёрной крышке приземистого сундука. По крышке разгуливают оранжевые и зелёные разбойники со старинными ружьями, в полумасках. Рядом тёмно-красный комодик на выгнутих львиных лапах выпячивает толстенькое брюшко с медными ручками ящичков. Наверху комода, между двумя точёными столбиками, покачивается на весу непонятный плоский круг, тоже тёмно-красный.

— Она где-нибудь здесь? — шепчу я, озираясь.

— Погоди, не убежит. Пошли в комнату.

Едва мы входим, мне слышится какой-то неясный шум. Что-то словно пискнуло, шарханулось, куда-то забилось. И стихло.

— Это она?

— Что — она?

— Ты что, не слышала?

— Ничего я не слышала.

Хотя, может быть, это и не она. Может быть, это ожившие вещи, заслышав наши шаги, в тревоге метнулись по местам. В этом доме такое вполне возможно. Потому что вся мебель здесь, хотя и тёмная, тяжёлая, но какая-то необыкновен-

но приспособленная к тому, чтобы бродить по комнате, когда никого нет. Буфет стоит на золоченых львиных лапах, таких же, как у того комодика в передней. Обеденный стол не с четырьмя ножками, а, наверное, с десятью, и каждая кончается копытцем. А у пёстрых мягких стульев под копытцами ещё и колёсики. Бегучие стулья. Они-то, должно быть, и шарханулись от нас, когда мы входили, и колёсики их тоненько засвиристели по паркету. А Ларка привыкла и не слышит ничего.

Я вдруг замечаю на подоконнике целую толпу зверей и птиц. Они деревянные. Мрачноватый клювастый ворон стоит навывтяжку, опустив длинные острые крылья. Извивается серая змея со стеклянными бусинными глазами. Заяц. У него вместо лап — две какие-то подпорки: одна заменяет переднюю пару, другая — заднюю. Но всё равно, заяц сейчас прыгнет, вот он припал на передние лапы... Лиса... Нет, это, конечно, не мебель, это они шумели!

— Это что, Лара?

— Так, чепуха. Из корней. Смотри лучше, какая ваза...

— А кто это сделал?

— Ну, я, — неохотно говорит Ларка. — Тебе разве нравится?

— Ещё бы. Они совсем как настоящие! А как ты это делаешь?

— Ну как, как... Поднимаю корень в лесу, смотрю со всех сторон —

на что похож. Всегда на что-нибудь немножко похож. А потом беру ножик и доделываю, чтобы стало ещё больше похоже. В общем, каждый сможет.

— Скажешь тоже, каждый! Я бы ни за что. Я пробовала из проволоки делать, не выходит.

— Я тоже раньше из проволоки делала. Только из корней во сто раз лучше. Хочешь конфету? — Ларка достаёт из кармана длинную розовую конфету в целлофане. — Бери. Долгоиграющая.

— Спасибо. А почему из корней лучше?

— Корни живые, понимаешь? То есть, это они раньше были живые, но в них всё равно живое остаётся. Я вот в жизни не видала, чтобы корень был на автомобиль похож. Или там — на утюг. Обязательно на что-нибудь живое — на зайца, на змею. И ничего удивительного — они же в одном лесу жили.

Ларка ещё не улыбается, но всё её лицо уже округлилось, словно подготавливаясь: рыжие колечки волос начинают подрагивать у неё на висках, вот-вот проскочит улыбка.

— А меня научишь?

— Ну что ты к этой ерунде привязалась? Вот ваза, гляди. Её делал настоящий итальянский художник. А мои зверушки были уже готовые, я так только, немножко ножиком поковыряла.

— Но ты же их разглядела! А художник, может, специальную школу кончил или институт... Что ты мне тычешь эту вазу?

Ваза огромная, слегка сплюснутая с боков, с широко распыленным горлышком. Среди выпуклого синего узора — странной мешанины из цветов и смешных человечков — виднеется цифра 1865.

— Ты подумай, ей сто лет, даже больше, и она из Италии. Загляни внутрь.

Зачем это мне туда заглядывать? А, вспоминаю я, обезьянка! Я и забыла про неё. Может быть, обезьянка спряталась в вазу, и сейчас оттуда блеснут мне навстречу её ве-

сёлые быстрые глазёнки? Но в вазе темно и даже никакой Италией не пахнет.

— А где обезьяна?

Ларкино лицо вдруг снова меняется — в нём не остается ничего круглого, оно заострено, недоверчиво вытягивается вперёд. Не отвечая, Ларка подходит к большому шкафу со стеклянными дверцами, затянутыми изнутри зелёным. Неужели там? Она медленно, торжественно раскрывает дверцы. Вот, сейчас!

Нет, там книги. Волнистые, чёрные с золотом ряды корешков.

— Такие Морозовой во сне не снились! Это энциклопедия. Видишь, сколько томов?

— Ты их все прочла?

— Пока нет, но ведь прочту.

— Ну, а обезьяна?

— Подожди ты...

А что, если Ларка обманывает? Вдруг она просто выдумала эту обезьяну, чтобы затащить меня к себе? Но зачем я ей нужна? Нет, обезьяна где-то тут. Всякие там оживающие вещи — чепуха, конечно. Но должно же здесь быть что-то такое... обезьяна, например! Я так ясно её себе представляю, что не может быть, чтобы её не было! Просто Беляева назло оттягивает. Куда она её прячет? Не в печку же... Печь коричневая, изразцовая. На полу перед печной дверцей стоит картина на деревянной подставке: из леса на опушку выбегает девочка в синем сарафане. Её волосы развеваются на ветру, как золотой флаг.

— Почему картина на полу?

— Не картина, а каминный экран. — Ларка с удовольствием, по буквам произносит это незнакомое слово и опускается на корточки рядом со мной. — Он — специально, чтобы заслонять печку, когда она топится. Только она у нас никогда не топится. Красиво, правда? Смотри, какие волосы у девочки.

— Как у Моро.

— Какая она Моро? Самая обыкновенная Морозова! — Ларка глядит на меня, прикусив нижнюю губу. — Между прочим, твоя Моро очень много воображает, что у неё

такие волосы. А знаешь что? — прищуривается она. — Может быть, твоя Моро красится!

— Да ты что?

— Красится! Ясно — красится! Так все могут. Вот захочу — и тоже!

— Подожди! Ты давно вместе с Морозовой учишься?

— С первого класса, а что?

— Тогда скажи: в первом классе она что — другого цвета была?

— Такого же... — бормочет Ларка растерянно.

— Зачем же ты на неё врешь? Ты, наверное, всё врешь. И про обезьяну соврала. Нет никакой обезьяны. Скажи честно — соврала?

Ларка вскакивает.

— Ах так? — шипит она. — Сейчас увидишь. Пойдём!

Значит, всё-таки есть!

Мы снова в передней, перед тем толстопузеньким комодиком, у которого наверху — непонятный висячий круг. Глядя куда-то вбок, Ларка легонько толкает этот круг рукой. Он неожиданно переворачивается, и на его обратной стороне

серебристо вспыхивает большое круглое зеркало.

— Вот обезьяна! Смотри!

В зеркале — моё лицо. Вытаращенные глаза, чернильное пятно на правой щеке. Из рта торчит огрызок «долгоиграющей» конфеты.

Обидеться и уйти! Или засмеяться? Смешно, хотя и обидно. Обидно, хотя и смешно. Надо поскорее выбрать одно из двух.

Я смеюсь.

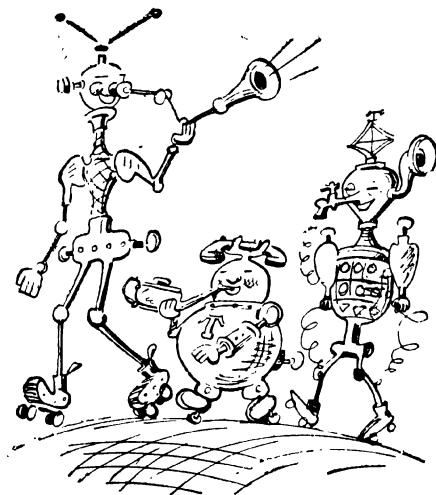
Ларка стоит вся ошетиненная, слегка даже пригнувшись. Но я всё смеюсь, и она, наконец, нерешительно улыбается, как будто сама ещё не понимает, что же тут смешного... Улыбка всё чаще и чаще начинает проскакивать по её лицу — от уха до уха. Приплясывают рыжие завитки на висках. Ларка хохочет.

— Пошли смотреть открытки, — говорит она сквозь смех.

Нет здесь никакой обезьянки. Жалко. Правда, не очень.

Почти совсем не жалко.

Вольт
СУСЛОВ

Рисунки
В. Гальба

Р О Б О Т Ы

*Борису Николаевичу Василенко, руководителю
лаборатории роботов Калининградской станции
юных техников.*

Вы слышали про роботов?
 Про роботов?
 Про роботов?
Про трёх чудесных роботов,
Полупроводниковых?

Они идут и топают,
 и топают,
 и топают

В своей железной обуви,
В своих ботинках новых.
Они почти что рыцари,
Закованные в латы:
Большие, меднолицые,
Отличные ребята!

Один — как телевизор! —
Длиннуший тощий Бряк.
Тяпуня — коротышка.
А Пека — просто так,
Не длинный, не короткий,
Шагает позади
И кнопки,
 кнопки,
 кнопки
Сверкают на груди.
Мелькают лампы-вспышки,
Белеют провода...

Бегут вокруг мальчишки,
Кричат:
 — А вы куда? —
Кричат:
 — А вы откуда? —
Кричат:
 — А вы к кому? —
Конечно, если чудо —
То все бегом к нему.

* * *

Вдоль домов народ стоит,
Возле каждой двери,
И во все глаза глядит —
И глазам не верит!..

Встал на улице трамвай,
Высыпали люди:
— Марсиане!..
— Вай-вай-вай!..
— Что же это будет?..

И милиции сержант
Недоумевает:
«Задержать? Не задержать?
Ведь не нарушают...»

Красный свет над мостовую,
 Поперёк — машин поток.
 — Что такое?! Что такое?! —
 Заливается свисток.

Ну конечно — пешеход!..
 Не туда опять идёт.
 В свой блокнот уткнулся носом
 И шагает под колёса.

А потом, конечно:
 — Ах!..
 Извините... Я не прав..
 Что?.. Работать на работе?..
 А при чём тут переход?..
 У меня же тут в блокноте
 Интереснейший расчёт!
 Если всё сойдётся точно,
 Мы построим — ого-го!!!
 Но пока что, как нарочно,
 Не выходит ничего... —

Длинный Бряк шагнул вперёд,
 Извинился,
 Взял блокнот,
 Полистал его страницы,
 Щёлкнул кнопкой и сказал:
 — Взял неверно интеграл.
 Результат ваш — 230. —
 Загалдели сто зевак:
 — Это да!.. За полминуты!
 — Поглядел — и фу-ты-ну-ты!..
 — Объясните, как же так?
 — Ерунда! — смеётся Пека. —
 Мы способней человека.

* * *

Всюду город, город, город!..
 А потом — наоборот:
 Всё заборы да заборы —
 Преогромный огород!

Огород и огороды.
 Огороженные все.
 Смотрят выходы и входы
 На летящее шоссе.

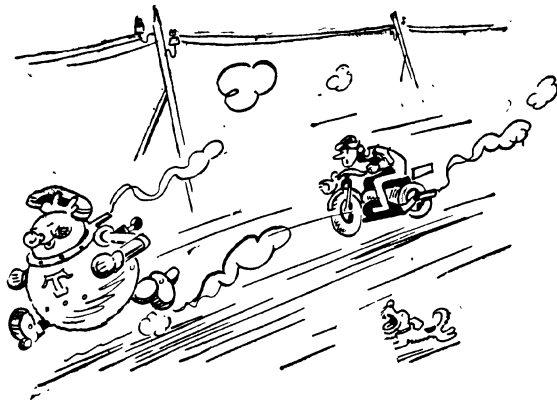
По субботам тут бывает!..
 Как пойдёт валить народ!..
 Уезжает,
 Выезжает,
 Едет город в огород.
 Едет город в пригород,
 На ухабах прыгает.

— А что? — сказали роботы. —
 Давай и мы попробуем!.. —

По серебряной росе
 Так легко шагается!
 Широценное шоссе
 Вдалеке сужается.

Бряк шагает — свищет ветер!
 Длинноному легко:
 Шаг шагнул, другой да третий —
 Сразу где-то далеко!

И Тяпуня-колобок —
Кто б подумать только мог! —
Коротышками задвигал,
Каблуками засверкал, —
Мотоцикл!

Мотоцикл
На дороге обогнал!

— Ха-ха-ха! — хохочет Пека, —
Мы быстрее человека.
Пролетело пять минут —
Огороды тут как тут.

Огороды лезут в гору,
Протянулись вдоль реки...
Всюду ржавые запоры,
Всюду ржавые замки.
А заборы! А заборы!
Километрами в длину.
Коридоры!.. Коридоры!..
Только сунься — и в плену.

Кто в плену?
В плену — лосёнок.
Он бежал, бежал,
и вот, —
Ни осинок, ни сосёнок,
Всюду только огород.

Рано утром на рассвете
Угодил он в эти сети,
Заплутал среди оград —
Ни вперёд и ни назад.

Он боится: что с ним будет?
Смотрит косо на собак...
А вокруг толпятся люди,
Обсуждают, что да как:

— Вот бедняга-бедолага,
Как же он сюда залез?..
— Очевидно, из оврага.
Видит — колья, думал — лес.
— Н-да... Потопчет всю рассаду.
Эх, цветы мои, цветы...
— Лесника позвать бы надо.
— Пусть стоит до темноты!

Сам ускачет ночью тёмной.
— А заборы как пройдёт?
Может, вызвать кран
подъёмный?..
— Что вы!.. Лучше — вертолёт!
Он его перенесёт. —

Головой качает Бряк:
Говорят, да всё не так.

Он шагнул через картошку,
Сшиб какой-то помидор,
Поднажал плечом немножко
И — свалил один забор.

А потом ещё забор.
И ещё заборов много.
И ещё один забор.
Так и выросла дорога
Для лосёнка на простор.

Прямо в поле, к лесу прямо.
— Ну, давай, скачи вперёд!
Будь готов: тебе от мамы
Ох и крепко попадёт! —

А Тяпуня очень скоро
Взял и поднял все заборы.
— Вот и всё, — заметил Пека. —
Мы умнее человека.

• • •

Идут тихонько роботы
Над речкой полусонной.
Звенят над ними оводы,
Шуршат листвою клёны.

Играют волны серебром.
Туда-сюда снуёт паром.
Потом снуёт сюда-туда.
Туда — вода. Сюда — вода.
А где вода, там нет следа —
Ищи обратно пути!..

Устал, запутался паром
И встал, задумался паром:
— Куда мне повернуть?
На левом был.
На правом был.
Куда сейчас плыву? Забыл... —

Застыл — ни с места! — на мели.
...Курлычут в небе журавли.
А над рекой летит:
— Давай!
— Нажмём-нажмём!
— Толкай-толкай!
— Да не туда! Давай багром! —
Не хочет двигаться паром.
Рыбёшка мелкая юлит,
С утра резвится до ночи...

А на пароме-то стоит
Машина «Скорой помощи»...

Сестричка с чемоданчиком
Нырять готова в реку.

— А не помочь ли, мальчики? —
Спросил с улыбкой Пека. —
Вы посидите. Я один. —
Спустился он с пригорка,
Канат покрепче ухватил,

Упёрся в землю твёрдо,
И потянул!
И потянул
Упрямца за собою!..
Вороны с ёлок:

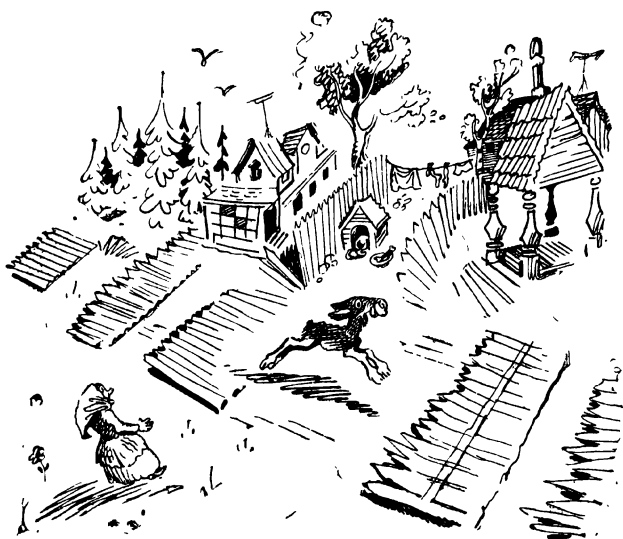
— Карр-раул! —
И в небо над рекою.

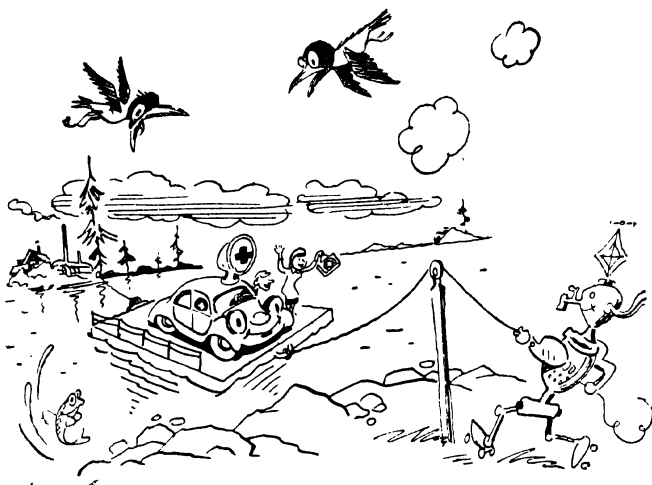
Тугой струной звенит канат,
Вот-вот сейчас порвётся,
Рокочет в Пеке реостат,
Дымок над Пекой вьётся.
Но Пека тянет,
тянет!

Гудит:

«Я всё могу!»
Ура! Паром упрямый
Уже на берегу.
Конечно, Пеку все подряд
Благодарят, благодарят!..
Сестричка и водитель
Кричат:

— Вы наш спаситель! —
Паромщик — дед кудлатый,
Седая борода, —
Бубнит:

— А я-то шляпа!..
А ты — вот это да!..

Я, когда служил на флоте,
А потом в морской пехоте,
А потом в особой роте, —
Тоже был не просто так!
Но, убей меня тут громом,
Мне бы с этим паромом
Не управиться никак!
— Ерунда, — смутился Пека. —
Мы сильнее человека.

* * *

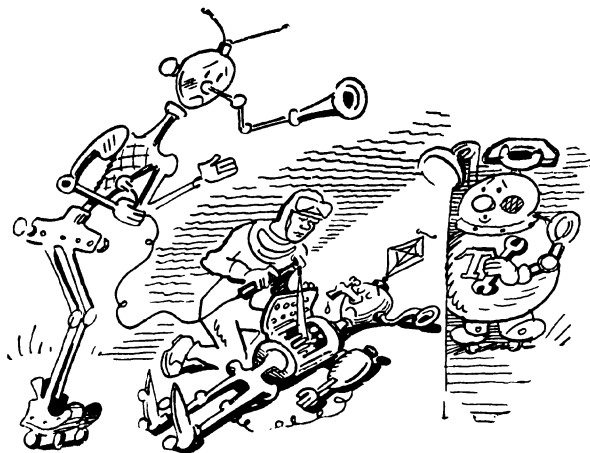
Снова Бряк вперёд шагает.
И друзья за ним — вперёд.

Вдруг Тяпуня замечает:
Пека что-то отстаёт...

Стой, дружище! Что с тобою?
Что-то ты не так гудишь...
Хочешь, мы привал устроим,
Ты на травке полежишь?..

Пека лоб рукою трёт.
На ладони — капля...
Пот!

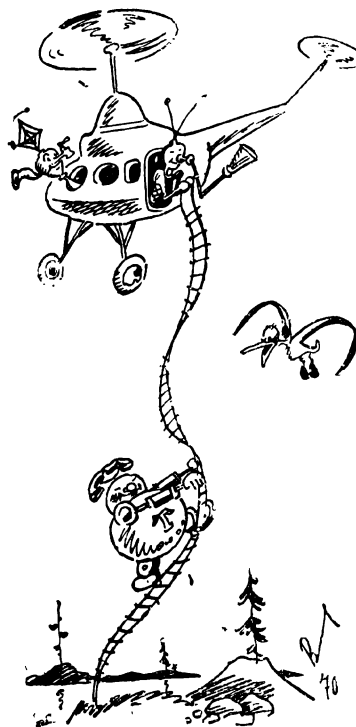
Индикатор вспыхнул красный,
Зажужжал:
— Вода! Вода!
Угрожающе опасно!
Влага! Ржавчина! Беда! —

Бедный Пека жаром пышет.
 Бедный Пека еле дышит.
 Бряк с Тяпуней суетятся,
 Проверяют провода...
 Да попробуй разобраться:
 Что откуда и куда?
 Пека шепчет:

— Не ищите...
 Зря не тратьте батарей.
 Лучше рацию включите...
 Человека!.. Поскорей!.. —

Человек хоть и не птица,
 Но быстрее птицы мчится.
 Вот уже вблизи кружится,
 Вот садится вертолёт.
 Вот уже молчат моторы.
 Он бежит по косогору.
 На бегу свои приборы
 Из карманов достаёт.
 Говорит:
 — Ну что, дружище?
 Захворал? Сейчас поищем.
 Так... Сгорел один транзистор.
 Перегрелся взаперти...
 Бряк, давай паяльник быстро.
 Эй, Тяпуня, посвети!..

Над рекой, над тихим лугом
 Тишина звенит чуть-чуть.
 Не спеша четыре друга
 К вертолёту держат путь.

Гасит лётчик сигарету,
 Смотрит пристально на них:

— Расскажите по секрету,
 Кто больной-то? Нет больных?
 Вроде, все вы — то, что надо!
 Парни прямо хоть куда!
 Был бы только доктор рядом,
 Остальное — ерунда!
 — Ерунда! — кивает Пека, —
 Нам нельзя без человека.

М. ПРИШВИН

Мы решили: уедем из города!
Мы — это Лена (мама), Коля
(сын) и я, Колин папа.

КОГДА бабушка спросила, тёплый ли будет у нас домик, мы весело ответили: «Не-ет! Там дует свирепо из каждой щёлки — и сверху, и снизу, и сбоку!»

Насторожившись, бабушка спросила — почему. Мы рассказали, что стены в доме из досок, между ними насыпан строительный мусор, да и стены-то съедены крысами. Но сейчас нет и крыс — они ушли, чтоб не замёрзнуть.

Бабушка наша после таких объяснений стала обращаться с нами очень осторожно. Она только спросила:

— Ну, а можно оттуда позвонить в неотложную помощь?

Мы ответили:

— Да, конечно, если сесть на поезд и доехать до телефона. Бабушка спросила:

— Ну, как там с питанием?

— Великолепно! — ответили мы. — Поблизости там никто не живёт, а на станции есть один захудаленький магазинишко!

— Ну, а если что-нибудь случится? — спросила бабушка главное.

Мы ответили:

— Что случится, если будет интересно?

Бабушка подумала, походила, побормотала и сказала:

— Ну... всё-таки...

И ВОТ мы вдали от комфорта!

Снежная целина, стеной стоит рядом бор, и за этой стеной уже нет ничего: край света.

Дорожку от калитки до домика прокладывали следующим образом: первопроходчик Коля, встав

на лыжи, утаптывал снежную целину. За ним шел я, солидный папа, и в шубе своей сразмаху падал на протоптанное место во всю длину спины, а Коля и Лена хохотали. Затем я топтал сапогами это место, а Лена шла сзади и беспокоилась, как всякая мама, не набрали ли мы снега в обувь.

Нам стало жарко. А ведь ещё надо принести дров, надо растопить печь, надо разбить ломом лёд, выросший в колодце, обязательно расчистить дорожку к «Северному полюсу» и обязательно поиграть в «не дам — не дам».

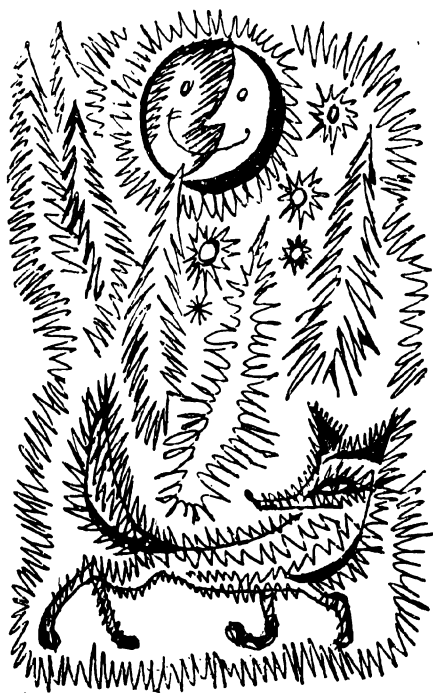
Что такое «не дам — не дам»? Берётся бревно, кладётся на козлы и, потянув на себя пилу, Коля говорит:

— Не дам!

Я отвечаю, потянув на себя:

— Не дам!

Это Колина выдумка. Она пришла к нам по вкусу.

— Не дам — не дам! Не дам — не дам! — и пошло.

— Дам!

— Ну и возму!

— Мама зовёт. Пошли завтракать! Три бревна распилили.

ПОСЛЕ завтрака мы встали на лыжи: «Не осмотреть ли нам наши владения?»

Мы пошли к мощной стене бора — и стена расступилась. Мы шли лыжнёй, потом целиной, потом снова лыжнёй и пришли к ручью. Ручей не замёрз. Он был, как крепкий чай. От него шёл пар, и в нём купалась выдра. Мы видели замороженную бурю в кустах и как сыплется в узкую просеку солнечный свет; переплетения засохших ветвей и корней под старой елью. Следы зайцев пересекали нашу дорогу, повсюду были отпечатаны крестовидные лапы птиц. А вот это что? Шла

лисица? Пошли по следу! Интересно, куда он нас приведёт?

След вывел нас к какому-то хутору, а у хутора мы, следопыты, увидели пса. Пёс удивлялся: кто это тянется за ним по следам? Он говорил: «Не стреляйте!» Мы засмеялись, но пёс был ничуть не хуже лисицы: сгустой шерстью — белой, коричневой и чёрной. Мы назвали его Букет. Он откликнулся. Он был очень умный. Совсем человек, только в собачьей шкуре. Он пришёл вместе с нами к нашему дому.

ПЕРЕД огнём у Коли произошло собрание мыслей.

Мороз быстро выстудил дом, печку снова зажгли, и на огонёк мысли слетелись — на лыжах, на лисах, на птицах... А одна прибежала летняя, на всех парусах:

— Пап! А ты знаешь, почему море синее?

— Знаю. А ты?

— Знаю. Потому, что синее небо. Это вода отражает небо. А сама вода белая, то есть бесцветная. Если бы вода была синяя, то и каждая струя была бы синяя, и снег был бы синий, и лёд — синий, и Дед Мороз — тоже синий. А они белые!

— Правильно, — говорю, — а ты знаешь, что можно сделать синий лёд?

— Как?

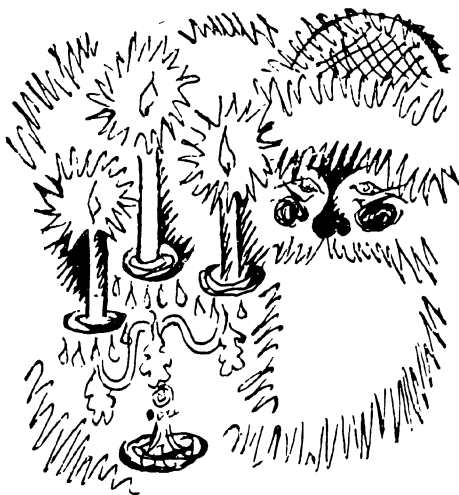
— И красный, и жёлтый лёд!

И мы представили себе заколдованный морозом мир из разноцветной воды.

РАЗ! Два! Три!

Шурлюм-бурлюм! Чирибук-чирибук! Зиньзи, кочерга!

На небе — луница, а на снегу разные узоры разбросаны. Снежный ком превратился в голубого кота, кот сказал: «Здравствуйте, меня зовут Васька». Огромный куст — весь в цветах сирени. Изпод куста глядит зелёный медведь, а позади — не сугробы притаились, это пограничники в масках. Охраняют они столицу

леса, где на площади ёлка, будто большой дворец. И виден внизу лаз внутрь. Влезешь, а там диван, на диване ковёр из лишайников, перед диваном стол, на столе канделябр, а в канделябре свечи, зажжённые Дедом Морозом.

Шурлюм-бурлюм! Чирибук-чирибук! Не зиньзи, кочерга!

Три! Два! Раз!

И ФАНТАЗИЯ у нас разошлась. Унять её было не просто, да и надо ли? Один мой знакомый артист, в бессчётный раз изображая Деда Мороза в Доме культуры, сказал, стоя под ёлкой: «Ребята! Все вы знаете, что Деда Мороза на самом деле нет. А поэтому, ввиду того что здесь очень жарко, я сейчас сниму свою шапку, бороду и усы, расстегну эту проклятую шубу и расскажу вам всё, что я выучил! Вы увидите под шубой мой обыкновенный пиджак и брюки, но это неважно».

Нет, не такой Дед Мороз зажигает свечи в нашем снежном дворце! А такой ёлки, как у нас, не будет ни у кого! Мы принесли в ведре снега и стали его на горячей плите топить. И когда часть

снега растаяла, а другая часть как пропитанный водой сахар, плавала в ведре (знаем, знаем, что сахар не плавает!), мы из этого «сахара» быстро стали лепить фигурки. Вылепим, живо-живо на блюдечке акварелью раскрасим и — на мороз, на ёлку! Коля и Лена лепили и красили, а я прилеплял игрушки на ёлке.

Потом мы долго и тщательно строили под ёлкой дворец из снега. На стену дворца мы повесили афишу для Деда Мороза, для всех наших друзей. Афиша была написана цветными карандашами и выглядела так:

«СПЕШИТЕ ПОСМОТРЕТЬ! ЖИВАЯ НОВОГОДНЯЯ ЁЛКА,

украшенная разноцветными игрушками из снега.

В параде игрушек принимают участие:

зайцы, синицы, красногрудые снегири, лисы изгибчатые рыжие, волки щетиновые серые, глухари с ярко-красными гребнями, и всё это — среди травок-муравок с цветочками!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШ ДВОРЕЦ!

У входа вас встретят:
голубой кот Васька,
трёхцветный пёс Букет,
и
Дед Мороз в малиновой
шубе.

СПЕШИТЕ ПОСМОТРЕТЫ!

(пока нет бурана, пока нет снега,
пока нет оттепели!)

ОГНИ свечей застыли от жуткого мороза, но мы их раскачали своим танцем на лыжах. Потом Коля вынес бенгальские свечи и фонарь «летучая мышь», и затанцевали на снегу наши длинные тени, запереливались ледяные игрушки, а потом запереливались и мы — и нас великан мог бы подвесить на свою ёлку, но он не пришёл. Зато нас обрадовал чемодан!

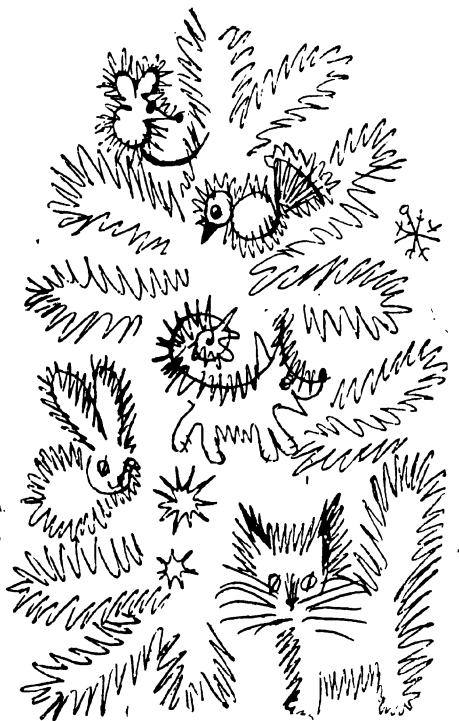
Это было, когда мы уже стряхнули с себя снег, в котором извлекли друг друга, играя. Коля на тахте с выпирающими пружинами снимал промокшие штаны и носки, и мы вдруг слышали мелодичное попискивание птицы. Коля сказал: «Слышите?». Лена сказала: «Это на чердаке». Я сказал: «Но сейчас ночь! Это не птица. Может быть, это крысята? Они пищат, как птенцы!..» А Коля сидел и слушал с серьёзным видом. Он покачивался на тахте. Хитрым голосом он сказал: «А это чирикает наш чемодан!» Он перестал покачиваться — чемодан перестал чирикать. Он закачался опять — и опять чемодан зачирикал. И захохотали, довольные розыгрышем, и Коля, и мы, и голубые уши углей.

— Ой! Смотрите... Бабочка, оказывается, живая!

Это первой заметила Лена.

Бабочка расправляла крылья, просыпаясь, потягиваясь, нежась.

Коля сразу решил: «Выпустить бы её на волю!» Очевидно, как и хрупкая бабочка, он подумал, что от нашей лампы и печки на улице стало светло, жарко и зелено!..

И вот бабочка крапивница с нашего декоративного блюда на столе затрепетала крыльями и перелетела на рюмку.

Ну, что ж! За лето в Новый год!

И НА следующий день было то же, хотя наступила оттепель, а поэтому всё стало иным: и пёс на нашей ёлке стал лохматым, и птицы все в пуху, а краски нежно просвечивали из-под мохнатых снежинок!

Каждый день Коля водил нас во дворец, где мы ели чёрный хлеб, посыпанный солью, и пили молоко из фляжки, и яркое синее небо светило нам сквозь тонкий снег крыши.

Подумать только, что есть на свете люди, которые, оставшись дома одни, сразу бегут к приятелям, потому что им скучно! Нам не было скучно. И десять новогодних дней пролетели, как один.

КОГДА мы вернулись в Ленинград, бабушка долго расспрашивала Колю, хорошо ли было на даче. В ответ Коля положил наш чемодан на тахту, раскрыл его, покачал, и старая металлическая распорка, которая поддерживает крышку, обо всём ей прочиркала.

А перед сном Коля нарисовал наш дом. Домик засыпан снегом, а над ним луница.

У НАШЕГО домика много друзей. Ключ на условленном месте. Может быть, вот сейчас

кто-то входит туда. Мы оставили ему нашу афишу, банку тушёнки, спички, завернутые в целлофан, килограмм вермишели, снежный дворец и живую ёлку с игрушками.

А новых людей встречать на даче осталась бабочка. Она сидит на старом осином гнезде, которое мы положили на тонкий кружок, выпиленный из толстенной берёзы. Этот кружок, наверно, всю жизнь ждал свою бабочку и до сих пор просто молча терпел на себе кастрюли да чайники.

Сказка о стеклянном человечке

Маленький,
Не больше, чем кузнечик,
Не боясь на свете
Ничего,
Жил да был
Стеклянный человечек
В доме у мальчишки
Одного.

За мальчишкой
Бегал он вприпрыжку,
От беды хранил его,
Любя.

И, представьте,
Знал он про мальчишку
Всё, что знал
Мальчишка про себя.
Был он при мальчишке
Как советчик,
Но его мальчишка
Не любил,

Потому что этот
Человечек
То, что думал,
То и говорил.
И за это
Днями и ночами
Тот мальчишка
На него кричал,
Запирал в буфете
И в чулане,
Чтобы человечек
Замолчал.

Но чулан
Без воздуха и света,
С крысами,
Шуршащими в пыли,
И любые сладости
Буфета —
Ничего с ним сделать
Не могли.
Так и жил он,
Никогда не пряча
Правды от мальчишки
Своего,

Потому что, если ты
Прозрачен,
Ты не можешь спрятать
Ничего.

И схватил мальчишка
Человечка
И со злостью сбросил
Со стола.

И разбилось
Хрупкое сердечко
Из простого
Чистого стекла.
А когда осколки
Отзвенели,
То глаза у мальчика
Тотчас
Потускнели
И остекленели,
Пустотой повеяло
Из глаз.

Он и до сих пор
Живёт на свете,
До сих пор
Глаза его пусты.
Глянет он —
И сразу плачут дети,
Увядают листья
И цветы...

В сказке нет
Намёка и подсказки,
Но возьмите сказку
Про запас.

Потому что
В этой самой сказке
Ничего не спрятано
От вас.

Для того,
Советом помогая,
Человечек рядышком
Живёт,
Чтобы жили вы,
Оберегая,
Тех, кто любит вас
И бережёт,

Владимир БАХТИН

ПОЭТ И ЕГО ЗЕМЛЯ

К 70-летию Александра
Прокофьева

Живёт в Ленинграде поэт. У его стихов есть одно удивительное свойство: их не спутаешь ни скажками другими стихами. Почему? Да потому, что этот поэт — а я говорю об Александре Прокофьеве — всегда пишет только о своём, о кровном, о таком, о чём никто другой написать не может.

Редкое стихотворение А. Прокофьева обойдётся без упоминания Севера, его родной Ладоги, или, как он ещё называет свои места, — Олонии.

Родился Александр Андреевич Прокофьев 2 декабря 1900 года в приладожском рыбацьем селе-нии Кобоне, которое стало всемирно известным в годы Отечественной войны: здесь проходила Дорога жизни. Вместе с родителями вязал сети, выходил под парусом в бурное, как море, озеро. Самые первые его стихи, появившиеся в печати ещё в 1927 году, так и назывались: песни о Ладоге. Автор говорил в них о том, что видел, что переживал сам.

Восемнадцать лет А. Прокофьев вступил в ряды партии. Он — участник гражданской войны, долгое время служил в армии. Потом поселился в нашем городе. Но родины — той, малой своей родины, которая у каждого человека своя, — не забыл. И вот он пишет:

*Что весной на родине?
Погода,
Волны неумолчно в берег бьют.
На цветах настоянную воду
Из восьми озёр родные пьют.*

*Пьют, как брагу, тёмными
ковшами
Парни в самых радостных
летах.*

*Не испить её:
она большая.
И не расплескать:
она в цветах!
Мне до тех озёр дорогой
длинной*

*Не дойти.
И вот в разбеге дня
Я кричу товарищам старинным:
— Поднимите ковшик за меня!*

В своих стихах Александр Прокофьев говорит о вещах самых обыкновенных, о людях самых простых — о тех, кто ловит рыбу, пашет землю:

*Как во нашей во деревне,
Молодой и быстроногой,
Как во нашей во деревне
Много разных новостей.*

*Во-первых, мне сообщает
кровная моя родня,
Что старик Степан Булдыгин
умирал четыре дня.
Умирал и всё ж не умер и, хотя
лежал в гробу,
От всего большого сердца
проклинал свою судьбу.*

*Вкруг него чадили свечи, ладан
жгли во всех углах,
Несмотря на это, старец
всё ж не обращался в прах!..*

Это стихотворение написано в 1930 году. В нём очень хорошо показано, как рушатся старые привычки и традиции. Заболел человек — лечиться надо, а не ложиться живым в гроб и ждать смерти. Стало интересно жить, новая жизнь пришла в деревню. Вот почему стихотворение — хотя оно и говорит как будто о грустных вещах, — на самом деле бодрое, весёлое даже. Какой могучий этот Степан Булдыгин, сколько в нём силы!

И вот как-то приехал я в Кобону. Остановился в избе Натальи Прокофьевой. Познакомился с соседями. Один из них представляется: Булдыгин. Семён.

— Как, — говорю, — Булдыгин? — Даже растерялся.

А тот отвечает:

— Степан Булдыгин — это мой дед. Мы стихотворение Александра Андреевича знаем!

Бродя по ладожским мхам и покосам, разглядывая украшенные резьбой избы приладожских селений, слушая сочную речь кобонских рыбаков, записывая песни, сказки и частушки, я был просто поражён, как много деталей, эпизодов, людей, прямо из жизни перешло в стихи Прокофьева.

Как-то в разговоре с местными жителями вспомнились строчки из стихотворения «Дядя»:

*Ой, наша деревня — сосновый
разлёт!
У нас через речку Хромуха
живёт...*

— Как же, как же, и дядя был, и Хромуха была! — заулыбалась одна старушка. Потом по моей просьбе она стала припоминать разные песни. И вот я записываю:

*...Берёт милый шляпушку,
Берёт пуховую новую
И накинул, сам пошёл.
Приходит к реченьке,
Приходит к быстрой.
Переходу искал — нет.
Нашёл милый жёрдочку,
Нашёл тонкую,
Перекинул, сам пошёл.
Жёрдочка сломилась,
Шляпочка свалилась
У дружка...*

— Пойдите, пойдите! — говорю. — Ведь эти строки из песни есть и в стихотворении «Дядя»:

*Ты песню скорее запеленай,
Как парень по жёрдочке шёл
за Дунай.
Дид-ладо, Дид-ладо, село
Кустанай,
Как шёл он по жёрдочке
через Дунай...
Как следом за парнем летела
беда:
Жёрдочка сломилась,
Шляпушка свалилась,
Ой, какая синяя вода!*

— Правильно! — сказала старуха. — Та самая песня. Она была любимой у его дяди Ивана.

Всё совпадало! Даже название стихотворения про Степана Булдыгина — «Как во нашей во деревне» — совпадало с началом старинной песни «Как во нашей

во деревне во весёлой слободе...», хорошо известной на Севере.

Прокофьев любит яркие краски, он любит сильных и весёлых людей, всё у него нарядное, праздничное — как затейливая резьба на коньке крыши, как разноцветные наличники на окнах.

В Кобоне жил удалой, закалившийся в тяжёлых трудах народ. Сколько спето здесь песен, сколько частушек озорных ходило по кругу! И сколько их знает Прокофьев! В сборнике народных песен напечатана песня, записанная с его слов, в сборнике частушек опубликованы частушки, которые он запомнил с детства.

Но я ещё ничего не сказал вам о стихах Александра Андреевича для детей. А он написал их немало. В этих стихах он с улыбкой рассказывает о коте, любителе поспать и поесть (кот бы «шёл обедать с плясом, если б было велено, чтобы в щах побольше мяса и поменьше зелени»), о весёлых щенках («Вот он крутится волчком, Тузик, Тузик, хвост крючком»), тепло и уважительно говорит о труженике дятле, о серьёзных и деловитых грачах («Наши чёрные грачи — птицы работающие!»).

Почитаешь стихи Прокофьева для детей — и вдруг замечаешь: этих стихов не было бы, если бы не слышал он в родной деревне колыбельных песенок, не знал бы считалок и разных ребячьих игр. Одна из книг поэта так и называется — «Золотые ворота».

А «Сказочка для маленьких про комара-комарика» очень близка к шуточной народной песне:

*Ди-ли, ди-ли, ди-ли бом!
По дороге пыль столбом.
Видит, видит весь народ —
Едут, едут пять подвод.
Через мост, через воду,
До широкого двора,
Как на тех пяти подводах
Провозили комара...*

Стихотворение «Перед отлётом» тоже напоминает вам о народных байках для детей. А некоторые вы, наверно, не только читали, но и от мам и бабушек своих слышали:

*Скворушки, скворушки,
Масленые пёрышки!
Нет сегодня вам пути —
Дайте лесу отцвести.
Журавли не протрубили,
Зайцы дров не нарубили,
Белки печи не топили,
Пирогов не напекли,
Ветры лес не подмели.
Через день, через два
Выйдут зайцы по дрова,
Впятером
С топором,
Молодец к молодцу,
Будет им по леденцу,
Будем им по прянику,
По цветку-невянику!*

«Цветок-невяник» — какое хорошее слово, верно? И как это по-русски сказано!

А как легко запомнить прокофьевские стихи — прямо с одного раза. Проверьте:

*В сосне — дупло,
В дупле — тепло.
А кто в дупле
Лежит в тепле?*

Герои Прокофьева — не принцы, не принцессы, не мишки с бантиками, не куклы, а обыкновенные крестьянские ребята. Они

не только играют, но и помогают взрослым в поле, на огороде и дома.

Писать для детей, сказал однажды А. Прокофьев, — дело очень и очень важное!

Поэт много ездил. Он был в Италии и в Финляндии, в Болгарии и в странах Балтийского моря. Он сделал десять тысяч километров по Сибири, был в Белоруссии и в Мордовии, в Туве и на Рязанщине. И всё-таки он верен своей Ладогe. В книжке «Приглашение к путешествию», удостоенной Ленинской премии, немало хороших стихов о ней...

А вот стихотворение «Матери»:

*Мама, мамушка!
Не разбить, не свалить,
Не согнать с тебя камушка
И огнем не спалить.*

*Нет огней, чтоб расплавили,
Камень лютый такой,
Где тебя мы оставили,
Где холодный покой.*

*Помню слёзы горючие.
Провожая в твой путь,
Работающие рученьки
Положили на грудь,*

*Что не хвастали силою,
Знали труд испокон —
Благородные, милые,
Золотые, как сон!..*

Какое оно грустное, задумчивое, это стихотворение, как тревожит оно сердце... Если бы я не слышал похоронных причитаний,

которые помнят старые женщины в Кобоне, я не понял бы так эти строчки, не пережил бы их с такой силой:

*Не согнать с тебя камушка
И огнем не спалить...*

Это же из причитания.

Поэт не просто вспоминает то, что прошло. Он вдумывается в жизнь. Как же надо её прожить, чтобы чувствовать, что не зря прожил, не попусту растратил годы...

*Почти над самым плёсом,
Почти что над волной
Шумят, шумят берёзы,
Посаженные мной.*

*Они широкой кроной
Стремятся к облакам,
А что топор не тронул —
Спасибо землякам!*

*Друзья мою деревню
Зелёною зовут.
Пусть мои деревья
Меня переживут.*

*Под их высокой крышей
В заречной стороне
Другой стихи напишет
И вспомнит обо мне.*

*Помянет добрым словом
Каким-то летним днём
В краю моём суровом,
В Приладожье моём.*

*Он сказочною новью
Пройдёт, где я ходил,
И скажет: «Вот Прокофьев
Берёзы посадил.*

*А что ещё он делал?
Ответить не берусь!..»
Привет им в платях белых,
Твоим любимкам, Русь!*

То и есть у человека, что родная земля. Только и остаётся после нас дело наших рук...

Рис. П. Вискова

Лошадка дёрнула розвальни, поскользнулась, дёрнула ещё раз — и затрусил по заваленной снегом улочке между деревянных домишек. За ней, широко шагая, спокойно пошёл лось.

Солнце ещё только поднималось над низкими крышами, но в посёлке у станции уже просыпался народ. Из многих труб валил дым. Прохожие останавливались и ахали на лося. Собаки с лаем вылетали навстречу, но, увидев незнакомого лесного зверя, шарахались от него и с визгом спасались назад в подворотни.

Но вот дорога перебежала рельсы и вошла в лес.

Сашка и Маша никогда не видели такого множества деревьев. Со всех сторон толпились густые тёмно-зелёные ели, голубоватые с оранжевым сосны, белые берёзы и серебристые осины. Голые ветви лиственных деревьев кутались в серенький искристый пушок-иней.

Дядя Миша обернулся к детям:

— Красота, а?

У Маши глаза были большие и сияли. Но она ничего не ответила.

А Сашка спросил:

— А шибко на лосе можно?

— Ого! — сказал дядя Миша. — Дробь и порох! Ну-ка держитесь!

Он подобрал вожжи и крикнул:

— Альцес, ходу! Берегись, Ванюшка!

Сани рвануло. Лось пошёл крупной рысью.

Ванюшка встал во весь рост в дровнях, закрутил у себя над головой вожжами, закричал лошади:

— Эй-эй, ударю!

Его мохнатая лошаде́нка быстро-быстро засеменила ногами, потом поднялась вскачь, но санки с ребятами лихо обогнали её — дровни стали уползать назад и скоро исчезли за поворотом дороги.

Сашка захохотал от удовольствия.

Окончание. Начало в «Искорке» № 11 за 1970 г.

Лось широко переставлял ноги и мчал сани так легко, точно они были бумажные. Из-под копыт его вылетали куски крепкого снега. Деревья по сторонам дороги кружились, набегали, набегали на сани и, не задевая их, разом пропадали сзади.

Ух, как хорошо было мчаться так бело-розовым морозным утром среди позолоченных солнцем стволов! Лёгкие санки подскакивали на всех неровностях дороги, птицей взлетали на пригорки — и казалось, вот-вот оторвутся от земли и поднимутся выше деревьев.

Неизвестно было, что впереди, и от этого у детей ещё больше замирало сердце.

На поворотах лось замедлял бег, и тогда детям казалось, что вот сейчас за деревьями они увидят избушку на курьих ножках, или медведя, или Руслана, которого несёт по воздуху на длинной, развевающейся бороде злой карла Черномор.

Сашке хотелось кричать от

радости. Но щёки покалывало, и дух захватывало морозным воздухом. Сашка не решался открыть рта.

У большой белой поляны с кустами дядя Миша подобрал вожжи, крикнул:

— Альцес, тихо, тихо!

Лось перешёл на шаг.

Дядя Миша обернулся к детям:

— Ходко идёт? Он и по лесу так может. Ему всюду дорога, не то что лошади. Тут болото, а вот смотрите-ка.

Повинуясь вожжам, лось повернул на поляну, пошёл прямо по чистому снегу, перешагивая через кусты.

Вдруг лось встал, и в тот же миг из-под ног у него с треском и лаем вырвалась целая стая больших серебряных птиц. Дети вздрогнули от неожиданности.

Но птицы уже исчезли за кустами.

Только поднятое ими снежное облачко сверкало и переливалось в воздухе красными, золотыми, зелёными искрами.

— Ах, как волшебно! — вскрикнула Маша. — Совсем как на ёлке!

— Лучше, племяшка, лучше: у вас под Новый год одна ёлка, а тут смотри их сколько. Да какие все красавицы.

— Искорки, птицы! — говорила Маша.

— Это белые куропатки. Они тут ночевали под снегом. Хорошо им там: тепло и никто не увидит.

— Здорово они лают! — хотел Сашка.

— Это петух. Он всегда так.

Дядя Миша опять направился на дорогу. Они подождали Ванюшку и поехали дальше, потихоньку теперь.

Два раза лес расступался, широко открывались поля. Проехали две деревни.

Колхозники и их ребята все весело здоровались с дядей Мишей и Ванюшей. И тут, в деревнях, никто уже не удивлялся на лося, как в посёлке у станции. Ребятишки подбегали, протягивали лося куски хлеба и кричали:

— Алька, Алька, нá, возьми! Видно, хорошо его знали.

За второй деревней начался такой густой, тёмный лес, какого ещё не было по всей дороге. Тут скоро сани свернули с большой дороги на маленькую, и дядя Миша сказал:

— Ну, вот сейчас и приедем, тётя Килья, верно, заждалась уж нас.

ТЁТЯ КИЛЯ

Расставленные вдоль узкой лесной дорожки телеграфные столбы мешались со стволами деревьев.

— Тётя Килья? — повторила Маша. — Какое смешное имя. Мама как-то по-другому называла.

— Да видишь ли, — смущённо улыбаясь, сказал дядя Миша, — тётку-то твою, собственно, Акулей звать: Акулина она, Акулина Ивановна. Да, знаешь, очень по-деревенски как-то выходит. Тётка и велит называть себя Акилиной. В книжках-то так пишут: Акилина.

— А я буду её звать «тётя Килья»! — сказал Сашка.

— Что ты, что ты, паря! — испугался дядя Миша. — За это тебе попадёт от неё. Да и мне достанется. Нет, ты уж, пожалуйста, зови её «тётя Килья», Акилина Ивановна.

— Ах, значит, она злюка? — сказал Сашка, потирая замёрзшую щёку. — Тогда я буду её звать «тётя Акула».

— Ещё хуже! Совсем она не злая. Она всем добра хочет, а особенно детям. Своих-то, видишь, у нас нет детей, так она над чужими трясётся, как клушка. Ты, паря, уважь меня: зови её тётей Килей, не ошибайся смотри. Ладно?

— Ну ладно, — сказал Сашка. — Не буду Килькой, не буду Акулой.

И ещё крепче потёр щёку.

Лес вдруг кончился, и телефонные столбы побежали в гору.

На широком, пологом холме вырос длинный низенький деревянный дом. Вокруг него было несколько изб и сараев, а над ними возвышалась сквозная башенка из брёвен, заострённая кверху. В середине виднелись лесенки.

— Это дозорная вышка, — объяснил дядя Миша. — Смотреть, не загорелся ли где лес или что.

Тётя Киля в коротеньком полушубке вышла на крыльцо длинного дома встречать гостей.

Она была высокая, угловатая, курносая.

— Желанные! — закричала она певучим голосом, сбегая с крыльца. — Да какие вы красавчики!

Дети не успели поздороваться, как вдруг она быстро наклонилась, схватила в обе руки

снегу, как ястреб, налетела на Сашку и ухватила его за щёки.

Сашка заревел благим матом и стал отбиваться обеими руками. Закричала и заплакала Маша. Кричали что-то и тётя Киля с дядей Мишей.

Поднялся ужасный шум.

Тут дядя Миша подхватил одной рукой Машу, другой Сашку и внёс их в дом.

Приехали.

Часть II

Гости собираются на великий пир

1. Комната

— Сашка! Шашик! Шуршинька! — слышит Сашка сквозь сон. — Вставай!

«Почему меня будит Маша? — борясь со сном, думает Сашка. — Почему не мама? А где мама?»

Сашка с трудом приоткрывает глаза, смотрит на бревенчатую стену, переводит глаза на потолок — потолок из широких досок — и ничего не может понять. Что это за комната? Где он?

И вдруг ему припоминается всё сразу: как он охотился на львов, как отец и мать сказали, что они уезжают в Африку, как приехал дядя Миша, и поезд, и лесная дорога, и... Вот только не может Сашка вспо-

мнить хорошенько про тётю Килю, тётю Акулю, Акулу...

— Маша, я не помню, за что она на меня?

Маша присаживается к нему на кровать. Она уже одета.

— У тебя вчера жар был, Шашик, вот ты и не помнишь. Когда мы приехали, тётя Киля увидела, что у тебя щека сделалась белая, и хотела скорей оттереть её снегом. Всегда трут снегом, когда нос или щёки отморожат. Она не злая. Она давала тебе чаю с малиновым вареньем и рассказывала сказки.

— А-а-а! — тянет Сашка. — Ну пускай.

В чистой, теплой постели так уютно, в комнате так чудесно пахнет свежим смолистым деревом, всё кругом такое новое и удивительное. Сашке не хочется думать ни о чём неприятном.

Стены в комнате голые, без обоев, без картин. Вместо стульев — белые табуретки, на простом белом тонконогом столе стоит пузатенькая керосиновая лампа с длинной стеклянной шеей и без головы — смешная! И где-то тикают часы: тик-тик, тик-тик!

— А сколько часов?

— Который час? Не знаю, — отвечает Маша. — В этой комнате часов нет.

— Вот так — нет! Молчи! Слышишь?

В тишине ясно слышно: тик-тик, тик-тик! Быстро-быстро. Вот на этой стенке. Нет, кажется, на той! Нет, опять на этой?!

— Слышишь? С места на место перебежали!

— Ах, ты про это! — говорит Маша. — Я тоже вчера думала, что это часы. Ты уже спал, а я лежу и слышу: тик-тик, тик-тик! Дядя Миша пришёл, я и спрашиваю: «Где это у вас столько часов?» А дядя Миша говорит: «Это не часы, это стенные жихарки. Так и называются: часовщики».

— Вот бы подглядеть, какие они, — говорит Сашка. — Тут у них везде жихарки. А в городе нет.

— Тут везде, — соглашается Маша. (Какая она добрая стала! Совсем как мама...) — Ну, вставай. Наверное, уже поздно: тётя Киля и дядя Миша давно встали.

Пока Сашка натягивает рубашку, Маша открывает белые занавески на окне.

Солнце хлынуло в комнату такое яркое, что больно глазам. И виден лес за окном — совсем рядом! Стеной стоит лес.

— Смотри, какой смешной носатик, — говорит Маша.

В углу висит на верёвке желтый глиняный горшок с носиком, под ним на табуретке — таз.

— Одной рукой наклони, другой мойся.

Сашка подходит и решительно схватывает горшок за нос. Сейчас же из носика вылетает струйка — и ужасно холодная вода змейкой скользит Сашке за шиворот. Сашка с визгом отскакивает, горшок качается и брызжет с перепугу во все стороны.

Маша хохочет, хохочет и Сашка.

Горшок — совсем как живой — тычется носом в разные стороны и понемножку успокаивается.

Дверь распахивается, в комнату влетает тётя Киля:

— Саша! Босиком!

Сашка испуганным мышонком ныряет в кровать.

— Перво поставь градусник! Ещё можно ли тебе вставать! — говорит тётя Киля.

2. ДОМ

Жара у Сашки не оказалось.

Когда дети вышли в столовую, ходики-часы на стене показывали ещё только девять часов. Но тётя Киля сказала:

— Стыдно вставать так поздно. Мы с дядей Мишей давно уже на ногах. В деревне надо подниматься с солнышком.

Сашка очень удивился, что в столовой была и кухня. Большая белая русская печь занимала целый угол. В её чёрном нутре, как в пещере, пылали дрова, дым гибким языком вырывался оттуда наружу, но в комнату не выходил: лизнув кирпичи чела, исчезал куда-то вверх.

Тётя Киля засучила рукава, взяла у стенки рогатый ухват и перетащила им из печи на стол обожжённый, закопчённый глиняный горшок с кашей.

Сашка всё время только глазами хлопал. Всё тут было незнакомому: молоко густое-густое и не стаканами, а в

крынках, и его можно было пить сколько хочешь, ложки были деревянные, раскрашенные и такие широкие, что в рот не лезли. Каша пахла дымом, но от этого была только ещё вкуснее.

На тётю Килю Саша поглядывал с опаской: вдруг она опять ястребом кинется на него? Но она всё только угощала и приговаривала добрым голосом:

— Кушайте, ребятушки, кушайте желанные.

Когда дети поели, они побежали смотреть другие комнаты. Хоть дом и казался снаружи длинным, комнат в нём было мало. Всего четыре: детская, столовая вместе с кухней, спальня, да кабинет дяди Миши.

Самое интересное было в кабинете. Там на стене висели ружья — целых три: двустволка, одностволка и маленькое, тоже одноствольное. Дядя Миша сказал, что это у него дробовик на птиц, винтовка на зверей и монтекристо — мелких птичек стрелять.

Вместе с ружьями висела большая кожаная сумка с сеткой — ягдташ.

Кресло у письменного стола было из широкого лосиного рога, по углам комнаты стояли пни.

На длинной — через всю стену — полке лежали разные птичьи и осиные гнёзда, стояли чучела разных птиц и зверьков.

Всюду на стенах были прибиты всякие корявые сучья и сучочки. С первого взгляда

кажется, что это простые сучья, а посмотришь подольше, оказывается, каждый из них на что-нибудь очень смахивает: один на копыто, другой на птичью ногу, третий на летящую птицу, а четвёртый просто на рогатого человечка.

— Почему это такие сучки? — спросил Сашка. — Это у тебя тоже жихарки?

— Нет, паря, — сказал дядя Миша. — Какие жихарки! Простые сучья. Другие из глины всякие фигурки лепят, а я не умею. А в сучочках мне часто разные фигурки видятся.

— Дивья всякого собрано у Михайлы Михайлыча, — сказала тётя Киля. — Он всё из лесу тащит, всё тащит. Где чего с ним в лесу приключится, он с того места, уж так и знай, пенёк то ли хворостину какую принесёт. А мне вот сметай со всего с этого пыль.

— Можно я буду убирать у дяди Миши в кабинете? — попросила Маша.

— Что же, убирай, коли самой охота:

А Сашка сказал:

— А я буду собирать всякие корявики, как дядя Миша.

— Дробь и порох! — загремел дядя Миша. — Замечательно придумал! Отец твой говорил: сто радостей тут узнаете. Вот радости и собирай на память. Приедешь в город, всё по таким памяткам вспомнишь. Родителям и расскажешь.

— И я буду, — сказала Маша.

— И ты, Машенька, конечно, и ты.

Дядя Миша хлопнул себя вдруг по лбу:

— Да ведь вот что: я вам этот ягдташ подарю. В него и складывайте оба свои радости. Полную сумку собирайте.

И он снял с гвоздя кожаный ягдташ с сеткой:

— Нател! Всё равно я его не ношу.

Сашка и Маша бросились целовать дядю Мишу, потом потащили ягдташ в свою комнату и повесили на гвоздь.

Когда они вернулись в кабинет, дядя Миша снимал с полки чучело белой куропатки. Он выломал у неё из крыла одно большое белоснежное перо.

— Помните, как лесом мчались на Альке? Как белых куропаток из-под снега подняли? Хорошо ведь было?

— Ах, как волшебное! — вскрикнула Маша. — Искорки, искорки — зелёные, красные, золотые!

— Вот, — сказал дядя Миша. — Теперь год пройдёт, де-

сять лет пройдёт, а как на это пёрышко взглянете, так сразу и вспомните: снег, лес, Алька в упряжке, я на облучке. Так ведь?

— Так, так, — закричали Сашка и Маша.

— Ну и положите себе в сумку. А потом — живо одеваться! Покажу вам Зелёный Дол на ладошке.

Через пять минут дети, закутанные тётей Килей, как кульки, вышли с дядей Мишей на двор.

3. ЗЕЛЁНЫЙ ДОЛ НА ЛАДОШКЕ

Как чудесно, как чудесно на дворе!

Сашка жмурится от солнца, дышит лёгкой лесной свежестью.

— Зин-зи-вер! Зин-зи-вер! — весело звенит с берёзы жёлтенькая синица.

У бурой навозной кучи ходят две чёрные желтоносые птицы. Какие они нарядные, блестящие — с переливами! Одна взлетела на самую макушку берёзы, где прибит высокий деревянный домик, отряхнулась, почистила носом пёрышки. И вдруг запела — сперва тихо, потом громче, заливисто.

— Здравствуй, скворушка! — кричит Маша.

А с крыши крыльца свисают блестящие ледяные сосульки — толщиной в голую Сашкину руку.

Дядя Миша несёт откуда-то два белых ведра, подставляет их под сосульки.

— Вон как солнышко-то принялось!

С сосуллек то и дело слетают длинные капли, падают прямо в ведра, звонко ударяют в железные донья: бенц, бенц, бенц!

Дядя Миша показывает на избу побольше, говорит:

— Это канцелярия лесничества.

Показывает на избушку:

— А там сторож живёт. Ну, идёте сперва к Альке. Только осторожно, не бегите вперёд: тут Шайтан.

От конюшни к канцелярии протянута проволока, у конюшни собачья будка. Из неё вылезает, гремя цепью, большой чёрный с коричневым пёс. Опустил голову и подходит, молча скаля зубы. За ним тянется цепь, подвешенная на кольцо к проволоке.

— Нельзя, Шайтан, нельзя! — говорит дядя Миша. — Это свои, знакомься. Выжлец, гончий пёс. Да злощий такой, кроме меня никого знать не хочет.

Пёс даже хвостом не помахал хозяину, остановился только.

Вошли в конюшню.

Ручной лось стоял в простом лошадином стойле. Он ласково положил свою длинную горбоносую голову на плечо дяде Мише, дал ему почесать за ухом.

— Алька-то добряк, — сказал дядя Миша. — Хотите покормить его? Вот его еда.

В углу конюшни была навалена целая куча каких-то веток и прутьиков. Маша принялась

кормить лося. Сашка тоже взял прутик и подумал: «Наверно, сладкие».

Сгрыз кусочек коры с прутика, но сейчас же сморщился и выплюнул: кора была прегорькая!

— Что? Не нравится? — улыбнулся дядя Миша. — А вот лосям да зайцам первое угощение. Осина это. Ну идемте, теперь полезем в небо.

Он вышел из конюшни и повёл детей к вышке.

Немного страшно было подниматься со ступеньки на ступеньку по крутой деревянной лесенке без перил. Но лесенка была не такая уж большая. Дядя Миша поднимался последним и, когда Сашка и Маша вылезли на площадку, сказал:

— Стоп! Станция Вальдшнепинская! Вот смотрите: мы уже немножко над вершинами деревьев и видим то, что видит лесной кулик вальдшнеп, когда он несётся весенним вечером над лесом. С такой высоты эти долгоносики высматривают себе между кочками подружек.

Сашка удивился: отсюда лес оказался совсем не таким густым, как это казалось с земли. Деревья стояли не сплошь, а вразбивку. За небольшой их кучкой открылась поляна. На ней среди белого снега, коричневых кочек и зелёных ёлочек блесстел ручей.

— Кто это, кто это? Пеструшка? — вскрикнула Маша. — Вот там, на поляне.

И правда, среди кочек убежала какая-то пёстрая зверюшка.

— Не узнала? — рассмеялся дядя Миша. — Да ведь это заяц.

— Ну да заяц! — не поверил Сашка. — Зайцы пёстрые не бывают. И такие маленькие.

— Не такой уж маленький: ведь мы высоко. А пёстрый потому, что линяет сейчас. Это беляк. Он скоро совсем серый будет.

Зверюшка повернулась боком, стало видно, как она на бегу падает передом, подкидывает задом, — тут и Сашка признал в ней зайца.

За поляной лес стоял стеной, и, указывая на него, дядя Миша сказал:

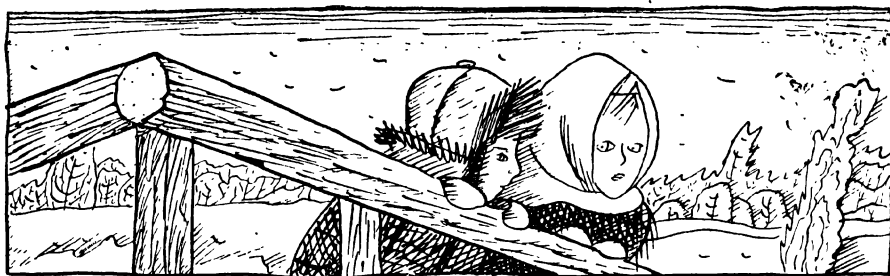
— Вот до этого леса считается у нас сад, хоть и без забора. Тут где хотите можете бегать, не спрашиваясь.

— А дальше опасно? — спросил Сашка.

— Ну, какие там опасности, опасного там ничего нет. Просто тут, в саду, вас всегда можно с крыльца позвать, а дальше — настоящий лес, там вас и не докличешься. Да ещё и заблудитесь с непривычки-то.

— Теперь вот здесь смотрите, — сказал дядя Миша, поворачиваясь и широко обводя рукой поля, деревушку среди них. — Это наш колхоз, речка Змейка, она ещё подо льдом. В неё наш ручёёк Робейка впадает — вон как весело бежит. А Змейка впадает вон в то большое озеро. Мы летом как-нибудь поедем туда рыбу ловить.

За деревней и пегими полями было громадное белое пят-

но, кой-где только на нём поблёскивал лёд.

— Ну, поехали дальше — на станцию Глухариную.

— Почему Глухариная? — спросила Маша, храбро поднимаясь со ступеньки на ступеньку.

— Глухарь-то, правда, птица наземная, — говорил дядя Миша, шагая вслед за детьми. — Обыкновенно в полдерева летает. Но бывает взлетит на такую высоту — еле-еле дробью с земли достанешь — и дует напрямик, куда ему надо. С такой высоты ему уже всё видно — где болото моховое, где осинник.

И правда, со второй площадки раскрылся перед детьми широкий кругозор. За лесом — болото, потом опять лес, вырубка с отдельными, как колья торчащими, прямыми соснами, с кучкой голых деревьев на пригорке.

— На пригорке осинник, — сказал дядя Миша. — Громадные старые деревья, а отсюда кажется — прутьи. Осенью туда слетаются чёрные мошники-глухари — щипать в вечерней тишине дрожащий на длинных корешках осиновый лист. На болоте глухари едят клюкву, на вырубках — ягоды шиповника, малинку, бруснику.

— Там за вырубкой и живёт шатун? — спросила Маша.

— Нет, людоедова царства отсюда ещё не видно. Летим на следующую станцию — на Коршунову. Оттуда покажу.

Здорово страшно было влезать на третью лесенку. Сашка не смел оглядываться. Смотрел вверх только и удивлялся, что белые острова облаков, медленно проплывающие в небе, несколько не стали ближе.

Долез до площадки и совсем оробел: сам стал маленьким, точно птичка, а всё кругом отодвинулось так далеко. И так много пустоты было вокруг.

Маша влезла за Сашкой, прижалась к нему и схватила за руку, Маша дрожала.

— Коршун да ворон высоко парят, — продолжал, ничего не замечая, дядя Миша. — Глаза у них замечательные: каждую зверюшку с такой высоты видят. Заметит где-нибудь дохлятинку ворон, сейчас крылья подберёт — и вниз. А за ним другие вороны и коршуны издали следят. Как увидят, что братишка нырнул, сейчас к нему со всех сторон слетаются. Прямо диву даёшься, как живо все они собираются на падаль. А вон дальний-то лес: это и есть Глушь, царство

шатуна. Вон там Ванюшкина изба чуть белеется, видите?

Дальний лес казался совсем чёрным. Детям стало ещё страшней. Они не видели, где белеется Ванюшкина изба, но не просили им показать.

— А за Глушью, — говорил дядя Миша, — виднеется увал — словно бы обрыв береговой. С четвёртой площадки и с другой стороны увидите такой же. Весь Зелёный Дол между такими возвышенностями, оттого так и называется: дол, долина. Тут и в самом деле, верно, долина какой-то древней ледниковой реки, лет, может быть, с миллион, как она высохла. А вот с этой стороны...

— Миша, Миша! — слабо донесся вдруг чей-то голос снизу. — Ты куда их? Голова закру... — конец слова отнесло ветром.

Сашка взглянул вниз и увидел у крыльца плоского длинного домика странно коротенькую фигурку тёти Кили.

— В самом деле! — всполошился дядя Миша. — Я же хотел вас только до второй площадки. Страшно вам?

Дети ничего не ответили. Да и не надо было: стоило только взглянуть на их белые лица и большие глаза, чтобы понять, как им нехорошо. Дядя Миша взглянул и сам чуть не больше их перепугался.

— Ах я ворона! — выругал он себя. — Как же это я... Ну,

ничего! Смелей, ребяташки. Сейчас доставлю вас в лучшем виде на землю.

Он задом спустился на две ступеньки ниже площадки, левой рукой взялся за её край, а правой сгрёб сразу и Сашку и Машу и мягко прижал их к своей широкой груди:

— Не больно?

Нет, им нисколько не было больно. Они только немножко поворочались, чтобы устроиться поудобнее, — и им стало совсем спокойно.

Тогда дядя Миша стал осторожно переставлять ноги со ступеньки на ступеньку, свободной рукой придерживаясь за верхние ступеньки.

Хорошо было очутиться опять на земле, где так привычно и совсем не страшно падать, потому что очень-то глубоко и не упадёшь.

Тётя Кilia коршуном налетела на дядю Мишу и долго ругала его за детей. Дядя Миша только смущённо разводил руками и бормотал, что он увлёкся, совсем забыл...

Но когда пошли к дому, Сашка слышал, как он тихонько сказал тёте Киле:

— Ничего, Килечка: зато теперь ты можешь быть уверена, что дети не будут лазать одни на вышку и не свернут себе шеи.

«Не очень-то дядя Миша умеет говорить шёпотом своим медвежьим рывкалом!» — подумал Сашка.

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ со дня смерти В. И. Ленина Гослитиздат выпустил сборник произведений о великом вожде. Был в этом сборнике и рассказ молодого журналиста, молодого писателя Леонида Николаевича Радищева «Зимний день».

С той поры и до сегодняшнего дня писатель остаётся верным своей избранной, очень ответственной ленинской теме. Он встречается со старыми большевиками, лично знавшими Ленина, с участниками Октябрьской революции, изучает архивные материалы, воспоминания. И пишет книги.

Многие из них вы, наверное, знаете? Это книги «На всю жизнь», «День первый», «Поправка к рисунку», «Два дня».

Возможно, вы читали и другие книги Леонида Николаевича: «Любимец капитана», «Делегат с Урала», «Дашутка», «Всегда на марше». В этих книгах главные герои — ребята, ваши сверстники.

Сегодня мы предлагаем вам прочесть новый рассказ Л. Н. Радищева.

Леонид РАДИЩЕВ

СОВСЕМ недавно — минут десять назад — Федя Куликов бодро шагал по улице, позвякивая лежавшими в кармане монетками. А сейчас он стоял возле кинотеатра «Вулкан» с очень грустным видом.

Оказалось, что вход на картину «Ущелье тигров» детям до шестнадцати лет воспрещён. А ведь говорили, что на дневной сеанс детей пускают. И тигры выставлены на фотографиях под стеклом. Но видно и про тигров картины бывают разные — одни для больших, другие — для маленьких...

Можно было давно уже поворачивать к дому, но Федя не уходил, будто чего-то ждал. А ждать ему было нечего. Разве только глядеть, как проходят мимо счастливики с билетами наготове — те, которым исполнилось шестнадцать и поболее.

Если бы они знали, с какой жгучей завистью смотрит на них мальчик, стоящий у входа!

Пронзительно-резко прозвучал звонок. Бегом кинулись в зал последние зрители. Контролёрша задернула занавеску на дверях. Садик перед кино опустел.

Только какой-то человек в берете остался снаружи. Он похаживал взад и вперед и поминутно вскидывал к глазам часы. Вдруг он остановился напротив задумчивого Федя и спросил:

— Что, мальчик, на билет не хватило?

Федя Куликов отвернулся. Ему ни с кем не хотелось разговаривать. Такое огорчение, а тут ещё привязываются с расспросами.

Но незнакомец как будто ничего не заметил. Он некоторое время рассматривал Федю, потом присвистнул:

— Ага, понимаю! Детям до шестнадцати лет и всё такое прочее. Обидно-досадно, что и говорить... А у меня, брат, тоже заковыка. Я уж давно позабыл, когда мне было шестнадцать, а в кино и меня не пустят!

Федя посмотрел на незнакомца краешком глаза: почему это вдруг его не пустят? Сочиняет. Чудак какой-то...

— Понимаешь, какая история! — Доверчиво заговорил незнакомец. — Условился со своей племянницей пойти на дневной сеанс: вечером я занят... А она у меня особа рассеянная, хоть и студентка. Наверно, часы не заведла или число перепутала... А билеты-то у неё... Ну скажи, — разве не обидно?

Федя Куликов только хмыкнул: подумаешь, обида!

— Вам-то что-о-о, — вырвалось у него. — Вы когда захотите, тогда и пойдёте. Хоть на другой сеанс... или завтра... Вам-то билет продадут... И контроль пропустит...

Человек усмехнулся:

— Завидуешь, что я большой? Очень хочешь быть большим, да?

Федя сердито засопел.

— А ты не надувайся, как крыловская лягушка. Я ведь могу тебе помочь! — незнакомец пристально посмотрел на Федю и медленно, отчётливо произнёс: — Я могу сделать тебя большим. Тут же, не сходя с места!

Федя не выдержал и презрительно фыркнул. Странные люди эти взрослые. Они думают, что если человеку восемь — девятый, то с ним можно шутить, как с глупышкой.

— Не веришь? Тогда для начала покажем вот что.

Незнакомец снял с головы берет и высоко подбросил его. И тут, на глазах у Федя, произошло невозможное. Берет исчез, точно растаял в воздухе. И не успел Федя опомниться, как рука незнакомца полезла к нему в брючный карман и вытащила оттуда берет. Но это было ещё не всё. Вслед за беретом незнакомец извлёк из того же кармана, который был у Федя пустым, часы на браслетке, коробок спичек, авторучку, портсигар, кольцо и записную книжечку.

Поражённый Федя молча сопел некоторое время, потом спросил, заикаясь:

— Вы... волшебником... работаете?

Незнакомец улыбнулся:

— Совершенно верно. Именно работаю. Но то, что я тебе показал, конечно, пустяки. Я умею делать чудеса покрупнее... Ведь ты хочешь стать большим? Я могу это сделать!

— Ну да-а-а? — опасливо протянул Федя. — Как же это?

— Как? А вот произнесу сейчас волшебное заклинание и ты начнешь расти, расти, расти и станешь большим. И сразу пойдёшь в кино! Ну, как? Хочешь?

Федя молчал. Сердечко у него застучало сильнее, чем полагается. Оказывается, не зря так говорят: и хочется, и колется, и мама не велит. И он вспомнил про маму: что бы она сейчас сказала?

— Молчание есть знак согласия! — донёсся до него голос волшебника. — Я начинаю. Ейн, цвей, дрей!

И мгновенно лицо у него переменялось. Брови сошлись на переносице, глаза перестали моргать, и он глухо произнес, не шевеля губами:

— ТУКСЮРТКУМНДШШТКСУНДУК... ШАЛТАБАЛТА Й КУР-ДЮК...

Федя почувствовал, как у него мураши побежали по телу:

— Дяденька волшебник, — вскрикнул он, — обождите... Я... спросить хочу!

— Спрашивай! Не медли!

— Дяденька волшебник... А когда я в кино схожу... я опять стану маленьким?

— Нет! — послышался глухой ответ. — Ты останешься большим!

Федя беспомощно огляделся, точно кто-нибудь мог помочь ему здесь. В садике никого не было. Только воробьи прыгали на пустых скамейках и шумела улица за оградой.

Что же делать? Так хотелось быть большим, а теперь сделалось страшно! Ведь придётся стать совсем, совсем другим человеком. Придётся домой, и никто не узнает. А экскурсия в зоопарк, назначенная на пятницу? А пионерский лагерь летом? А велосипед, обещанный отцом? Ничего этого уже не будет! И какао перестанут давать. Стар-

шему брату Володе, который перешёл в девятый класс, какао уже не дают, и он по утрам пьёт чай, умильно поглядывая на Федину чашку...

— Так что же? — громко спросил волшебник. — Отвечай!

— Нет, нет, нет, не надо, — быстро заговорил Федя. — Не надо... Будьте, добры, пожалуйста...

Некоторое время волшебник молча смотрел на Федю, точно обдумывая, можно ли ещё поправить дело.

— Ладно! Да будет так, как ты решил, — услышал Федя. — Произношу обратное заклинание! ЭНЭ БЭНЭ РЭС КВИНТЭР МИН-ТЭР ЖЭС!

У Федя отлегло от сердца, и он посмелее взглянул на волшебника.

— Всё! Волшебные силы удалились. Ты остаёшься маленьким! — сказал волшебник своим прежним, обычным голосом и посмотрел на часы. — Однако! Мы тут с тобой уже тридцать четыре минуты! Ничего себе опоздания! — и он досадливо крикнул. — Знаешь что, дружок? Давай посидим вот на этой скамеечке... Может, моя племяшка всё-таки подойдёт!

Федя робко присел на скамейку. Шутка ли? Рядом с ним находится волшебник!

А тот, поглядывая на Федю и улыбочиво щурясь, говорил: — А ты умница! Правильно решил задачку... Конечно, быть большим очень интересно, но маленьким, доложу я тебе с полной откровенностью, — ещё интереснее. Ведь маленький обязательно будет большим, надо только подождать и вырасти. А вот большой уже никогда не будет маленьким! Понял, какой ты богач?! Я бы на твоём месте ни за что не завидовал большим и всегда ходил весёлый-весёлый!

Федя сбоку посмотрел на своего удивительного соседа. Лицо у волшебника стало чуть-чуть грустным.

— Вы... маленьким хотите сделаться?

— Если бы мне это предложили, — серьёзно ответил волшебник, — пожалуй, я бы не отказался...

— А вы сделайте свою волшебность, — посоветовал Федя. — И станете маленький!

— Нет, голубчик, такое волшебство мне не под силу. И нету таких волшебников на земле, которые могут превращать маленьких в больших, а больших в маленьких... Я ведь с тобой только шутил, а на самом деле и на минуту не мог бы сделать тебя старше. Но всё-таки я тебя не обманул: я действительно волшебник, только чудеса у меня другие. Могу, например, глотать огонь! Могу распиливать человека пополам и он останется живой! Могу посадить в корзинку пуделя, а когда открою крышку, там окажется петух! Хочешь посмотреть?

Федя даже вскочил со скамейки:

— Где?

Волшебник вырвал листок из своей книжечки и написал на нём несколько слов:

— Я выступаю в цирке, — сказал он. — Приходи вечером — сегодня или завтра. Можешь прихватить с собой сестрёнку, братишку, товарища — кого хочешь, — он снова поглядел на часы. — Вот растяпушка, а?.. А потом сама будет кусать себе пальцы с досады!.. А мне ведь пора. Надо ещё домой забежать до работы. Как бы не опоздаться...

Федя с изумлением смотрел на него. Значит, быть волшебником — тоже работа. И он так же, как все другие, ходит в кино, живёт в обыкновенном доме, боится опоздать на работу!

— А как же вы домой поедете? — спросил Федя: может быть, волшебники хоть домой попадают каким-нибудь небывалым путём?

— Поеду на троллейбусе! — ответил волшебник. — Самое милое дело! Так ты приходи. Можешь с моей запиской через служебный ход! Скажи, что к Кио, тебя пустят... И не завидуй большим, чудачок! Всё ещё у тебя будет. И в кино пойдёшь, какое тебе понравится, и поедешь, куда захочешь! Уразумел?

Он поправил съехавший набок берет, ласково дёрнул Федю за вихор и запыхал к остановке троллейбуса.

Федя посмотрел ему вслед и помчался к дому во весь дух. Кио! Кио! Его портреты расклеены по всему городу! И они теперь знакомы!

Уже на бегу Федя представлял, как расскажет дома о своём необыкновенном знакомстве. И в школе что будет? Скорее бы только завтра!

Мать на кухне готовила обед. Шипела сковорода, вкусно пахло чем-то жареным.

Федя открыл рот, чтобы начать рассказ, но не хватило духа — очень уж запыхался.

— Да ты отдышись сначала, — сказала мама. — А пока попробуй пирожок горяченький!

Федя сел на табуретку и надкусил хрустящий, сочный пирожок. Хорошо быть маленьким. Очень хорошо.

Анатолий МАТЮНИН

Т о л м а ч ё в о

*На реке прозрачный лёд
На деревьях иней.
Надо мною небосвод
Бесконечно синий.*

*Разукрасила зима
Улицы посёлка.
Все дома, как терема
В изморози колкой.*

*Звон коньков и звонкий смех —
Радостные лица...*

*Голубой, душистый снег
На кустах искрится.*

*Держат солнце на крюках
Башенные краны.
Озаряется строка
Рифмою багряной.*

*Жжёт морозец горячо.
Снег кружит над школой.
...Легендарный Толмачёв
Смотрит на посёлок.*

ЗАКЛИНИЛО

В дальнем углу двора, по соседству с мусорными бачками, подъёмный кран поставил рядышком два металлических гаража. Оба приземистые, гулкие, оба тёмно-коричневые, как двойняшки.

Вскоре во всю заднюю стенку одного из них Володька из седьмой квартиры уже писал мелом по свежей краске жанровую картину. Приседая от смеха и держась за животы, его всячески поощряли Шурка Большой и Шурка Маленький.

— Зонтик! Дай в руки зонтик! — подначивал Маленький. — Ой, умо-ра! Ну, вылитая!..

— А ещё веер! — советовал Шурка Большой. — Подкинь, чего скупишься?

Володька мгновенно пририсовал зонтик и веер, отбежал на несколь-

ко шагов полюбоваться издали. А Шурки даже захрюкали от удовольствия.

По стенке гаража степенно вышагивала длинная как каланча гусыня на высоченных каблуках, в сверхкороткой юбке, в клипсах, под зонтиком, при веере, с дымящейся сигаретой в клюве, и вела за собой целый выводок гусят мал мала меньше. Меткими штрихами Володька придал гусыне необыкновенное сходство с дворничихой тётей Верой, а в гусятах легко угадывались все её семь дочерей, от долговязой, похожей на мать, Людмилы до младшей Сонечки, коренастенькой, в отца и круглой, как колобок.

Володька недавно за какие-то свои дела схлопотал от дворничихи метлой по одному месту, и теперь ему выпал случай свести счёты.

Весть о картине разлетелась с быстротой ракеты и вызвала разноречивые толкования, даже споры. Мальчишки приняли картину безоговорочно, и все до одного пришли в восторг. Женщины отозвались неодобрительно. А кочегар Валентин Михайлович заметил:

— Глаз у парня! Учить надо.

— Правильно! Учить, — подхватила жена кочегара, тётя Таисия. — Ремнём. А ещё лучше мочёной верёвкой.

В субботу утром во двор въехали два «Москвича». Один новенький и блестящий, как из магазина, а другой весь обшарпанный. Щёлкнули дверцы, вышли хозяева и не узнали своих гаражей. Посмотрели друг на друга, нахмурились.

Они не стали давать оценок остроумию и таланту художника, а попросту вооружились вёдрами с водой и швабрами.

— Уедут — мы опять распишем! — подмигнул друзьям Володька, загораясь новой идеей.

Как только «Москвичи» выехали за ворота, он приступил к работе.

На одном гараже во всю стену Володька изобразил свой двор. В мягких креслах, развалившись, сидят гаражевладельцы. Один — круглолицый, напоминающий бильярдный шар, а другой — носатый, как коршун. Сидят и взирают на мальчишек, которые суетятся, хлопочут возле автомашин: моют из шланга, накачивают насосом колесо, шприцуют маслёнки, протирают ветошью стёкла. Все как один в комбинезонках, в беретах, ни дать ни взять — заправские слесари автобазы.

На соседнем гараже — как бы продолжение картины. Те же «Москвичи», но уже не стоят, а мчатся, до отказа набитые мальчишками в комбинезонах. Из всех окон, из открытых багажников торчат довольные физиономии. Тут художник счёл приличным изобразить и себя. И место выбрал подходящее — за рулём, под присмотром круглолицего хозяина, сидящего рядом.

В общем, намекинул. Кажется, яснее некуда.

А они не поняли!

В свой следующий приезд машиновладельцы опять помыли гаражи. Круглолицый было стал приглядываться, даже вроде улыбка на губах мелькнула. А носатый — р-раз шваброй! И нет Володькиного намёка.

Поначалу «Москвичи» лишь изредка появлялись во дворе, но вскоре зачастили. Тёплыми и светлыми вечерами хозяева ставили свои машины на въезде в гаражи, поднимали капоты и, к зависти мальчишек, дотемна склонялись над автомобильным нутром, что-то в нём ошупывая и подвинчивая. Изредка они перекидывались словами, советуясь, как стрегулировать карбюратор или увеличить зарядный ток. А на мальчишек — ноль внимания.

Но те всё равно выстаивали в отдалении, готовые кинуться на помощь по первому зову.

Как-то носатый разложил на тряпке возле своего новенького «Москвича» зубило, два молотка, отвёртки, гаечные ключи и маленькую ручную дрель, а сам забрался под машину. Но тут же вынырнул, словно спохватившись, и смерил Володьку, стоявшего ближе других, выразительным взглядом. Мало того, он захватил тряпку и уволок на ней весь инструмент под автомобильное брюхо.

«Вот жлоб! — взорвался Володька. — Нужна мне его дрель!.. Не иначе, как сам где-то спёр». Крутнулся на каблуках и отошёл, дав себе зарок — больше сюда ни ногой.

Но мальчишеское сердце отходчиво. Да и двор — это тебе не Эрмитаж. В один угол ткнёшься, в другой, а в третьем как раз и стоят гаражи. Волей-неволей позабудешь обиду и подойдёшь к распахнутым воротам.

...Было ясное воскресное утро. С клёнов срывались жёлтые листья и неслышно ложились на только что подметённый тётей Верой двор, на крыши гаражей.

Володька вышел из своей парадной, постоял в раздумье, чем бы заняться. Вдруг видит: идут хозяева к своим гаражам. Носатый разодет с иголки: кожаная куртка вся в молниях, на голове какой-то ворсистый берет, на ногах зелёные замшевые башмаки. А круглолицый — в синем прорезиненном плаще и в шляпе с обвислыми полями.

— Сентябрь! — Зябко поежился круглолицый, распахивая ворота.

— Считай, кончились грибки. Пора, брат, уже и масло менять, летнее на зимнее.

— Пора, — согласился носатый. — Выходит, собираешься и зимой ездить?

— Хотелось бы. Но ведь гаражи-то у нас холодные. За ночь двигатель так настынет, что будет не прокрутить. А водичкой горяченькой в этом дворе не разживёшься. Не тот двор...

— И наплевать! — перебил носатый. — Мы и без водички. Редуктором.

— Как?

— Очень просто. Смотри! — он взял отвёртку и нарисовал на песке две шестерни, большую и маленькую. — Догадался? Если крутить большую, маленькая даст высокие обороты. Как в дрели или в той же швейной машине.

— Верно! — просиял круглолицый. — Маленькую посадить на шпонку, чтоб она врацала и ось. А конец оси — в храповик коленвала. Во раскрутит!

Он радостно повёл глазами и, увидев Володьку, призвал его в свидетели.

— Слышал? Теперь нам сам чёрт не брат! В любой мороз — р-раз! И двигатель забарабанил.

Володька замялся. Ему не хотелось огорчать этого симпатичного

толстяка, но и обрадовать было нечем.

— Так ведь не получится же редуктором...

— Почему? Смотри чертёж...

— Нашёл с кем делиться! — издевательски заметил носатый. — Ему ещё таблицу умножения зубрить... И вообще он тут всего только посторонний...

Володька покраснел. Скажи такое кто-нибудь из мальчишек, он бы знал, как за себя постоять. Но этот ведь не мальчишка. Вон какой здоровенный!

Так и смолчал. А про себя подумал: «Будет и на нашей улице праздник!»

Теперь Володька к гаражам и близко не подходил. Но держал их под постоянным прицелом. Он еще подойдёт. Он еще докажет, кому зубрить таблицу умножения! Пусть только носатый начнёт заводить машину редуктором.

И дождался.

Оба гаража уже стояли нараспашку. В воротах одного чернела широченная доска. А к ней две ржавые шестерни прилажены и рукоятка. Не иначе, от старой молотилки или от веялки.

Володька — ближе. Растолкал приятелей, высунулся и ждёт. А его и не замечают. Носатый ось малой шестерни в храповик коленвала запихивает, да что-то у него заедает. Наконец вставил.

— Начнем? — спрашивает.

— Начнем!

Носатый картинно положил правую руку на рукоять, надавил. Но

зубчатая система не пришла в движение. Он — левую. Результат тот же. На помощь прибежал круглолицый. Тужатся вдвоём, а рукоять ни с места.

— Заклинило где-то! — кричит носатый.

— Ясно где, — ровным голосом отвечает Володька.

— Где?

— Далеко. Ещё в шестом классе, — торжествует Володька. — И вообще вы тут посторонний...

От такой Володькиной дерзости ребята аж назад отпрянули. Он и сам едва стоит. Покраснел, напряжился весь, но стоит.

— Какой посторонний, голова? — спешит на выручку носатому круглолицый. — У нас же документы. Не хватало ещё мальчишкам предъявлять...

— Я не в этом смысле.

— А в каком?

— В том смысле, что на машинах катаетесь, а сами не знаете золотого правила механики.

— Какого правила?

Володька повернулся к приятелям, поискал глазами и кивнул Шурке:

— Объясни дяденьке.

Шестиклассник Шурка Маленький вытянулся в струну, набрал побольше воздуха и выпалил, как на уроке:

— Золотое правило гласит: сколько выигрываешь в скорости, столько же теряешь в силе.

— Во! — воскликнул Володька. — Выходит, ваш редуктор и слову не повернуть. Это же просто, как таблица умножения.

СИЮМИНУТНЫЕ СТИХИ

НЫНЕШНИМ летом отдыхала я в Репине. Там и познакомилась с Майей Савостьяновой. Она только что перешла в третий класс московской спецшколы № 23. Девочка как девочка. С косичками, с бантиком. Необычным в ней было лишь то, что по каждому поводу она сочиняла стихи — тут же, у всех на глазах. Проедут мальчишки на велосипеде — четверостишие готово. Не успела погулять по Ленинграду — опять стихотворение.

Конечно, Майю Савостьянову нельзя ещё назвать поэтессой. Да и неизвестно, овладеет ли она когда-нибудь очень сложным поэтическим трудом. Майе пока всё даётся легко. Свои стихи она даже и не записывает. Произнесёт, играя, пришедшие ей в голову рифмованные строки — и забудет. А я их запомнила и записала некоторые из её весёлых импровизаций.

С двумя такими «мгновенными стихотворениями» я и хочу познакомить читателей «Искорки».

К. КУЛИКОВА

Майя САВОСТЬЯНОВА

Что за город Ленинград?..

Я москвичка, я москвичка,
Я сажусь на электричку.
Еду в город Ленинград.
Говорят, там Летний сад...

Я москвичка, я москвичка,
Я опять на электричке!
Ленинграда не видала —
Прямо в Репино попала.

С папой, мамой я на море
Загорала на просторе.
Вместе по лесу гуляли,
Сыроежки собирали.

Оглянуться не успели, —
Пролетели три недели.
Надо ехать нам назад,
До свиданья, Ленинград!

С электрички я, москвичка, —
На другую электричку.
Ну, а как же Летний сад?
Ну, а как же Ленинград?

Попрошу сестру я: «Нана!
Расскажи мне без обмана:
Что за город Ленинград
И какой там Летний сад?!!»

Рыболов Евгений

Рыболов Евгений
Безо всякой лени
С удочкой сидел,
На воду глядел.
Любил рыбу парить,
Любил рыбу жарить,
Любил её ловить,
Любил её солить,
Любил её мыть,
Любил её сушить,
Любил её тереть,
Любил на неё смотреть.
Он очень её ценил!
Только... есть ок её не любил!

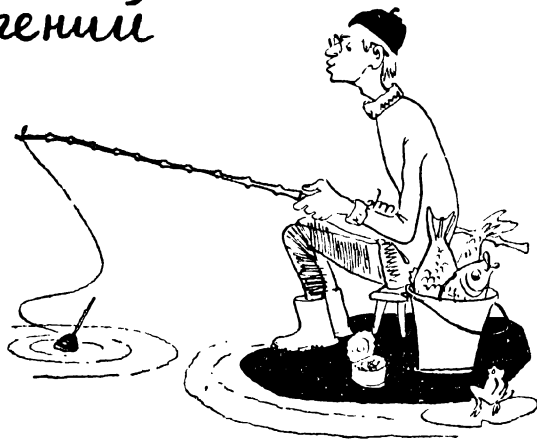

Рис. В. Орлова

(К 200-летию со дня рождения Людвиг ван Бетховена)

**«Музыка должна высекать огонь
из мужественных сердец».**

БЕТХОВЕН

ТРИУМФ

Нет, не напрасно Вену считали музыкальной столицей Европы! Казалось, она была наполнена музыкой вся, до последнего переулка. В Вену приезжали лучшие композиторы, знаменитые виртуозы соревновались здесь в своём мастерстве. В концертах звучали симфонии и камерные произведения. Придворные и народные театры, хоровые капеллы приглашали многочисленных почитателей музыки. Славилась Вена и тем, что в ней жили и творили величайшие композиторы Моцарт и Гайдн.

7 мая 1824 года в венском театре «Кертнертор» собралось особенно много любителей музыки. Они пришли послушать новую, Девятую симфонию Бетховена — композитора, чьи произведения так отличались от развлекательной музыки, господствовавшей в аристократических салонах.

За дирижёрским пультом стоял пожилой коренастый человек с широким лбом, упрямым подбородком и всклокоченной гривой волос. Под сводами зала гремела музыка. Каза-

лось, перед слушателями развернулась вся история человечества. Небо ещё затянуто мрачными тучами, ещё не сломлены тёмные силы, но уже грохочет буря. Человечество борется, чтобы приблизить рассвет. И вот расступаются свинцовые тучи, пробиваются ослепительные лучи солнца, и финал симфонии рисует картины светлого будущего.

Для того чтобы усилить эффект, Бетховен впервые ввёл в симфонию хор и солистов. Отгремели «фанфары ужаса», напоминая о недавних сражениях, и в ответ им раздаётся уверенный голос: «О братья! Довольно печали! Будем гимны петь веселью и светлой, светлой радости». Хор мощно откликается на этот призыв словами оды «К радости» великого немецкого поэта Фридриха Шиллера: «Обнимитесь, миллионы!» Путь к миру, свободе, счастью — в братском объятии всех людей планеты.

Последний взмах руки дирижёра. Смолкли звуки оркестра и хора. И тут раздался такой гром рукоплесканий, что, казалось, стены театра не выдержат и расколются. А сам автор

стоял спиной к залу, низко опустив голову. Он не слышал ничего — ни единого звука оркестра собственной симфонии, ни разразившегося после её исполнения шквала оваций. Бетховен был абсолютно глух. Симфонией на этот раз дирижировал не сам автор, а стоявший в двух шагах от него капельмейстер.

Из оцепенения вывела композитора певица Каролина Унгер. Она взяла Бетховена за руку и повернула лицом к слушателям. И только тогда взволнованный автор увидел рукоплещущий зал. Успех был невероятный: Бетховена приветствовали пятикратными овациями, в то время как по установившемуся этикету даже самого императора удостаивали всего тремя. Чтобы избежать возможных неприятностей, полицейские чиновники предложили восторженной публике покинуть театр.

Может быть, стражам порядка не стоило так уж беспокоиться? Когда Бетховен окидывал взглядом битком набитый зал, он заметил, что императорская ложа пуста. Его величество не относился к числу любителей музыки. Как-то он заявил, что ему нужны не гении, а верные подданные. А этот бунтарь-республиканец Бетховен не входил в число таковых! Он никогда не гнул спину перед великосветской знатю.

Однажды императрица прислала к Бетховену лакея с просьбой явиться к ней, но увлечённый работой композитор ответил: «Передай, что занят». В другой раз князь Лихновский по-

пытался насильно заставить Бетховена сыграть. И чуть не поплатился за эту вольность: Бетховен едва не размозил ему голову стулом.

А в 1812 году, находясь на курорте под Веной, «дикарь» Бетховен поверг в смятение представителей придворной знати. Стремительно проходя мимо са-

мой императрицы, он едва прикоснулся к своей шляпе. И все растерянно расступились, уступая ему дорогу.

Вот почему у императора не было особых причин жаловать своим вниманием знаменитого не только в Вене, но и во всём мире музыканта.

Когда опустел зал «Кертнертора», друзья привели измученного Бетховена домой и уложили на диван. Композитор лежал молча, с закрытыми глазами. Может быть, он уснул? Друзья постояли в нерешительности и на цыпочках (излишняя предосторожность!) ушли, оставив Бетховена в одиночестве. Неизвестно, спал ли он, вновь ли переживал триумф этого вечера...

ОН ЗАСТАВИТ ВСЕХ ГОВОРИТЬ О СЕБЕ

Короткое детство было у Людвиг ван Бетховена (приставка «ван» к фамилии намекает на голландское происхождение семьи). Родители его жили в небольшом немецком городе Бонне. Дед Людвиг играл на скрипке и пел в хоре княжеской придворной капеллы, став впоследствии её капельмейстером. Там же пел и отец будущего композитора Иоганн ван Бетховен. Это был жестокий, чёрствый человек, любивший проводить время со своими собутыльниками.

Отец решил сделать из своего Людвиг новое «чудо», «второго Моцарта». Даже ночью, явившись с попойки, он поднимал с постели сына, вёл его босого, в короткой рубашонке к клавесину и заставлял играть. Малышу было не дотянуться до инстру-

мента, и он вставал на скамеечку, чтобы достать до клавиш. Иногда такие «уроки» продолжались до утра.

Однако Людвиг не возненавидел музыку. Он научился играть не только на клавесине, но и на органе, скрипке, айте, флейте. В шесть лет он уже выступал при кёльнском и боннском дворах. Правда, эти концерты не принесли славы маленькому музыканту.

Семья жила бедно: «развлечения» отца требовали очень много денег. В одиннадцать лет Людвиг пошел работать. Он стал замещать органиста в церкви. Через три года его уже приняли на ту же должность ко двору князя. Мальчишке, привыкшему носиться по городским окраинам, совершенно не шла приличествующая его новой должности парадная форма. С отвращением влезал он в пышный белый воротник, напяливал напудренный парик, наряжался в зелёный фрак со шнурами, шёлковые чулки, башмаки с пряжками, расшитую золотом жилетку... Костюм довершали цилиндр и шпага.

Но и денег, которые Людвиг зарабатывал игрой на органе, не хватало. Приходилось давать уроки музыки детям местных богачей. А в коротких перерывах между концертами, уроками и репетициями он урывками сочинял музыку. Первое известное нам произведение — вариации для фортепиано на тему марша композитора Е. Х. Дреслера — Людвиг написал, когда ему было 12 лет.

В 17 лет Людвиг скопил немного денег и, забрав свои сочинения, отправился в Вену — к своему кумиру Моцарту, чтобы из его уст услышать «приговор».

В то время Моцарт сочинял оперу «Дон Жуан» и очень много работал. Знаменитый композитор вышел из соседней комнаты, откуда слышались голоса его посетителей. Увидев молодого гостя, нетерпеливо спросил, что ему угодно. Узнав о цели приезда Людвиг, недовольно поморщился, но попросил что-нибудь сыграть.

Бетховен отличался удивительным мастерством импровизации. И на этот раз он вдохновенно импровизировал

на заданную тему. Моцарт слушал серьёзно и внимательно, на лице его уже не осталось следов недовольства.

Когда смолкли последние аккорды, Людвиг встал, молча опустив голову. А Моцарт, словно боясь нарушить внезапно наступившую тишину, осторожно подошёл к двери в соседнюю комнату и сказал находившимся там друзьям: «Обратите внимание на этого юношу. Он заставит всех говорить о себе!»

Недолго пробыл Бетховен у Моцарта. Через несколько месяцев пришло известие о том, что тяжело больна его горячо любимая мать. Людвиг помчался в Бонн и едва не опоздал: мать умерла на его руках. На плечи старшего сына свалились новые заботы: надо было растить младших братьев. Снова уроки в частных домах, игра на органе в капелле и в соборе, служба в театральном оркестре. А ночью — работа, работа! Когда же иначе писать музыку? Ведь сам великий Моцарт сказал ему: «Ты избрал правильный путь!»

Да, он избрал правильный путь! И всё на этом пути было ново, необычно.

В 1789 году восставшие парижане штурмом взяли крепость-тюрьму Бастилию. По всему миру пронеслась весть о революции. Слово «революция» звучало повсюду, приводя в трепет европейских правителей. Стихи и песни о свободе дошли из Франции и до Бонна. Девятнадцатилетний Людвиг Бетховен был тогда студентом философского отделения Боннского университета. Вместе с друзьями он мечтает о свободе, равенстве, братстве, клянётся в верности идеям революции. И не только клянётся: студенты тайно распевают бетховенскую хоровую песню «Свободный человек». Конечно, боннским властям не понравились такие вольности. Студентов наказали. Но Бетховен не изменил юношеской клятве, остался ей верен до конца своих дней.

Пророчество Моцарта сбылось. Не прошло и десяти лет, как Бетховен

покорил Вену, куда он приехал вторично — и уже навсегда — в 1792 году. Перед ним распахнулись двери концертных залов и аристократических салонов. Он играл с неистовым темпераментом и глубиной, поражая ошеломлённых слушателей необыкновенным даром импровизации. Здесь он не знал себе равных. Бетховен не так уж часто выступал в концертах с готовыми, уже записанными сочинениями. Порою он создавал музыку тут же, на глазах у всех.

Это был не обыкновенный пианист, каких немало видела венская публика, а пианист-оратор. Бетховена уже не удовлетворял клавиесин с его звонким, но быстро затухавшим звуком. Он стал исполнять свои произведения на фортепиано, которое изобрёл еще в начале XVIII столетия итальянец Кристофори. В те годы фортепиано как раз начало входить в моду. Громкие, яркие, певучие звуки нового инструмента помогали Бетховену передавать слушателям грандиозные замыслы его музыки.

Необычным было и поведение композитора. Он появлялся на концертах и в обществе без парика, небрежно и просто одетым, нередко был резок в обращении с вельможами, не переносил их снисходительно-покровительственного отношения к музыке.

Но блестящее исполнительское мастерство Бетховена, бурная, стремительная и порывистая музыка его сонат, симфоний и фортепианных концертов покоряли слушателей. Имя Бетховена поставили в один ряд с Гайдном и Моцартом.

ОБНИМИТЕСЬ, МИЛЛИОНЫ!

Велико музыкальное наследие Бетховена. Он сочинил 9 симфоний, 11 увертюр, 5 концертов для фортепиано с оркестром, концерт для скрипки с оркестром, 16 струнных квартетов, 32 сонаты для фортепиано, 10 сонат для скрипки с фортепиано, около 60 пьес для фортепиано, оперу «Фиделио», балет «Творения Прометея», «Торжественную мессу», обработал много народных песен...

И удивительнее всего то, что значительную часть этих произведений он написал, уже будучи глухим. Первые признаки страшной болезни композитор почувствовал в 26 лет. «Твой Бетховен так несчастлив, — писал композитор своему другу. — Мой слух так ослабел... Я давно это чувствовал, но скрывал... День и ночь у меня гудение в ушах... Если бы у меня была другая специальность. Это ужасно... Просто удивительно, что люди в разговоре со мной не замечают этого, а всё приписывают рассеянности».

Усилия врачей ни к чему не привели. С каждым днём глухота усиливалась. Бетховен стал мрачным, раздражительным, перестал выступать в концертах. Но страшная болезнь не отразилась на его творчестве, до конца оно сохранило печать мужественности и бодрости. Он не слышал того, что происходит в окружающем его мире, но музыка продолжала звучать в нём. Композитор продолжал писать гениальные симфонии, увертюры, сонаты. Ведь девизом всей его жизни и творчества были слова: «Через борьбу — к победе!» И Бетховен победил, потому что знал: его искусство нужно людям, он должен дарить им радость, учить мужеству, стойкости.

Произведения Бетховена знают во всём мире. Даже мальчишки, десятки раз смотревшие «Чапаева», сами того не подозревая, познакомились с «Лунной сонатой». В короткое затишье между боями её играет белогвардейский полковник Бородин, в

то время как его верный денщик, георгиевский кавалер Петрович, натирал пол. В глазах солдата слёзы: по приказу полковника подвергнут экзекуции брат денщика. И медленная вступительная часть «Лунной сонаты» как бы подчёркивает драматизм положения.

Эту сонату Бетховен посвятил своей юной, всех очаровывавшей, семнадцатилетней ученице Джульетте Гвичарди. По одному из преданий, он написал её летом 1801 года в беседе имени своих друзей Брунсвиков. Поэтому произведение поначалу называли «Сонатой-беседкой».

В марте 1825 года Бетховена посетил двадцатилетний поэт Людвиг Рельштаб. Поэт сделал многое для распространения произведений Бетховена, и особенно полюбившейся ему сонаты. Впечатление от первой, медленной части сонаты Рельштаб сравнил с плывущей при свете луны лодкой. С тех пор сонату стали называть «Лунной».

Не менее популярна у любителей музыки и «Аппассионата», считающаяся вершиной сонатного творчества Бетховена. Название это в переводе с итальянского означает — страстная, воодушевлённая. Сам Бетховен говорил, что тема её навеяна драматическим произведением Шекспира «Буря».

В. И. Ленин очень любил Бетховена. Однажды, слушая бетховенские сонаты, Владимир Ильич, как передаёт А. М. Горький, сказал: «Ничего не знаю лучше «Аппассионаты»,

готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Эту сонату Бетховен закончил в 1806 году. На душе было особенно тяжело: он был одинок, усиливалась глухота. Но крепкая сила воли заставляла композитора не склонять головы. «Я схвачу судьбу за глотку, — писал он другу юности Вегелеру, — совсем сломить меня ей не удастся. О, как прекрасно прожить жизнь тысячу раз!»

Не менее значительным созданием Бетховена была Пятая симфония (1808 год). Все четыре её части объединены были одной и той же повелительной темой, которая, словно эпитафия, звучит в самом начале произведения:

Всего четыре ноты! Сам автор сказал о них: «Так судьба стучится в дверь». Яркая, выразительная музыка этого произведения рисует грандиозную картину борьбы человека с невзгодами жизни во имя радости и счастья. А финал отражает победу и торжество человечества над силами зла и насилия.

Этой теме посвящены все почти произведения композитора. Они рассказывают о битвах и жестоких схватках, рисуют картины всеобщего ликования. В них звучат интонации революционных гимнов, ритмы маршей и шествий. Недаром, критикуя стихи одного поэта, Фридрих Энгельс сказал, что в них «мало Бетховена».

Одним из последних творений Бетховена была «Торжественная месса» — величественное произведение философского характера, совершенно не похожее на все предшествовавшие ей подобные сочинения культовой (церковной) музыки. Судьба «Торжественной мессы» особенно любопытна для нас, ленинградцев. 21 июня 1823 года гениальный композитор прислал в Петербургское филармоническое общество письмо, в котором

предлагал исполнить это наиболее совершенное из его сочинений. И 26 марта 1824 года впервые в Европе «Торжественная месса» прозвучала в концерте Филармонического общества при участии хора императорской капеллы.

А 7 мая того же года жители Вены слушали последнее величайшее произведение Бетховена — Девятую симфонию, считающуюся итогом всей деятельности композитора, — о котором французский писатель Ромен Роллан сказал: «Он представляет собою самую героическую силу новейшего искусства. Он — величайший и лучший друг тех, кто страдает и борется».

Девятую симфонию особенно любил вождь мирового пролетариата Карл Маркс.

Финал Девятой симфонии был исполнен на концерте в Большом театре и 5 декабря 1936 года — в тот исторический день, когда народы на-

шей страны приняли новую Конституцию. Выраженный в музыке призыв Бетховена «Обнимитесь, миллионы!» звучит и в наши дни.

«Я надеюсь подарить миру ещё несколько больших произведений...» — писал великий композитор. И продолжал работать. Но к неизлечимой глухоте присоединилась тяжёлая болезнь почек. Четыре операции ни к чему не привели.

Весенней ночью 1827 года над Венной разразилась страшная гроза. Словно тысячи литавр гремели в окутавшем город мраке. А в сумрачной комнате своего последнего жилища с символическим названием «Дом с траурным флагом» умирал великий композитор. Гроб с его телом провожала на Венское кладбище двадцатитысячная толпа. И это подтверждало любовь народа. Бетховен был, есть и будет одним из величайших титанов мирового искусства.

Альбертина ДЕЛТАЙ

С Е М Ь Я

*Очень-очень-очень-очень
Маленький мальчонка
Встретил очень-очень-очень
Бойкую девчонку.
Когда они выросли
И поженились,
Они нисколько
Не изменились:
Очень-очень-очень-очень
Симпатичный папа
И очень-очень-очень-очень
Озорная мама.*

*Шли годы —
Осень на смену веснѣ.
И у них появились
Морщины, седины, пенсне.
И теперь они уже —
Не юноша и девушка,
А очень-очень-очень-очень
Бабушка и дедушка,
Что рассказывают сказки,
В креслах сидя рядом,
Очень-очень-очень-очень,
Очень-очень-очень-очень
Маленьким внучатам.*

Перевёл с французского
Генрих САПГИР

ВОРОБЕЙ

Холодно. Холодно было и вчера, и позавчера. С утра до вечера и всю ночь бушевала метель. Теперь ему во что бы то ни стало нужно выбраться из гнезда. Но ужасно холодно. Он посидит ещё немного здесь в тепле с закрытыми глазами, а потом... Правда, с закрытыми глазами ещё тяжелее: в памяти встают картины одна мучительнее другой. То ему видятся золотистые осенние зёрна на сизом асфальте, то большое гумно, окутанное запахом только что сжатой пшеницы, то высокая гибкая кукуруза, растущая на меже. И голод становится невыносимым...

Приоткрыв глаза, он видит в синеватом искрящемся свете голубятню, возвышающуюся посреди двора. В ней тихо. Дверца закрыта. Ни малейшего признака жизни. Вот кому хорошо живётся! Обитателям голубятни не ведомы ни голод, ни холод. В закрытом домике с толстыми стенами, без щелей, с крышей, должно быть тепло. Да, родиться голубем — это счастье!

Воробей, с досадой преодолевая вялость, бросается в искрящийся воздух. Он чувствует, как мороз обжигает, сковывает тело. У него перехватывает дыхание, и в отчаянии он начинает быстро-быстро махать крыльями, просверливая пространство.

Земля под ним белая, занесённая снегом, и, хотя он очень внимателен и зорек, во всём зимнем пространстве не видно ни единой тёмной точки, которая говорила бы о том, что вблизи можно найти что-то съедобное.

Но в гнездо возвращаться нельзя. Надо искать. И он облетает все

подряд гнёзда людей, все места, где он когда-то находил что-нибудь поесть: дома, столовки, конюшни, склады, гумна. Но увы! Всюду на порогах — снег.

Тропинки занесены снегом, а редкие прохожие спешат укрыться в домах.

Воробей возвращается из своих долгих поисков замёрзший и голодный. Ещё голоднее, чем утром, когда он отправился в путь. Но самое мучительное ожидает его здесь, дома. Опустившись на край промёрзшего гнезда, весь покрытый инеем, он видит, как во дворе хозяин поднимается по лестнице к голубятне, открывает дверцу и из мешочка сыплет голубям горсть золотистой кукурузной крупы. Потом спускается, оставив дверцу открытой.

Воробей издали чует сладкий запах молотых зёрен и мгновенно оказывается на пороге голубятни. Будь что будет! В следующее мгновение он уже около кормушки с крупой.

Голуби продолжают клевать, словно не замечая его, а он, весь дрожа, с бьющимся сердцем погружает свой клюв в золотистую горстку. С этого мгновения он, опьянённый запахом кукурузы, её сладким вкусом, уже ничего не видит и не слышит: ни скрипа дверей, ни приближающихся шагов хозяина.

Зарывшись клювом в крупу, он скорее почувствовал, чем услышал, лёгкий щелчок над головой. Но и на этот раз не испугался. Только поднял голову, чтобы посмотреть, что щёлкнуло. И вдруг, очнувшись, обнаружил, что дверца закрыта и человек запирает её снаружи. Ошеломлённый, охваченный ужасом, он оглядывается вокруг, словно надеясь, что голуби его выручат, убе-

дят: ничего, мол, страшного не произошло.

Но голуби продолжают спокойно, невозмутимо клевать. Потом, насытившись, по одному, по два, тяжело размахивая крыльями, поднимаются в свои гнёзда на верхней полке и начинают ворковать.

— Как же я теперь? — спрашивает себя воробей. — Как же я выберусь отсюда?

А голуби воркуют, словно радуются, а может, ссорятся. Вокруг царит полутьма, точно в сумерках. Взгляд воробья становится нетерпеливым, движения лихорадочными. Весь дрожа, он ищет выхода. Но глаза всюду видят только крепкие, без щелей и дырок, стенки. Лишь наверху, возле полки с гнёздами, мрачно и мутно белеет круглое окошко с грязным стеклом. Воркование голубей изредка прерывается. Старый пёстрый голубь принимается искать в перьях, белая голубка дремлет, зарывшись в солому и перья, а её супруг задумчиво смотрит в окошко, не проявляя ни тревоги, ни беспокойства.

Маленький серый комочек — воробей — потрясён. Он соскакивает, как ошпаренный, с кормушки и начинает метаться по голубятне. Он должен найти выход! Он должен! Иначе... Заметив снова оконце и приняв его за кусочек неба, он взмахивает крыльями, бросается к нему. Но, ударившись грудью о стекло, падает. Может быть, он не так взлетел? Воробей снова устремляется к оконцу, потом ещё и ещё раз. Наконец, обессиленный, падает. Некоторое время он лежит неподвижно, потом, с трудом ковыляя, вскарабкивается на край кормушки.

Снаружи, словно из другого мира, доносятся редкие, скудные звуки. Это ветер время от времени шупает своими ледяными игольцами стены голубятни, словно пробует их прочность, и, обезумевший, мчит дальше, в другие края. И снова вокруг жуткая тишина.

Сытые, с полными зобами голуби вскоре засыпают. Полумрак постепенно сгущается, наступает глухая тишина. Потом опускается ночь — тёмная, непроницаемая — самая длинная ночь в его воробьиной жизни. Голуби все как один спят, а он заснуть не может. Он первым видит свет зари, с трудом проникающей сквозь мутное стекло оконца, и первым слышит приближающиеся шаги хозяина.

Скрип шагов разбудил и голубей. Они начинают волноваться, но в их волнении нет ни страха, ни тревоги: обычно в этот час человек приносит им корм, и они переступают с ноги на ногу, им не терпится поскорее увидеть открывающуюся дверь, увидеть полную кормушку. Воробей не обращает на них внимания. Глаза его устремлены на дверцу.

Вот она отошла от стены, образовав тонкую, как травинка, щель. Вот щель увеличивается — она размером со ствол деревца. И сквозь эту щель врывается холодный снежный воздух, видно ясное, сверкающее, как стекло, небо. При виде неба, дрожа от страха и волнения, воробей серой стрелой выскакивает из своего укрытия, устремляется к щели и ударяется на лету о руку человека. Но испугался не он, а человек. Он отдёргивает руку и этим движением неожиданно для себя распахивает дверцу. Обезумев от радости, маленький пленник стремглав вырывается и летит к небу, к свету.

Мороз тотчас безжалостно обжигает его, сковывает тело, но он не чувствует холода. Он ощущает лишь ослепительную радость полёта, радость лететь всё дальше и дальше от голубятни.

Голуби некоторое время смотрят ему вслед то ли с удивлением, то ли с тоской, потом замечают в кормушке кучку золотистой кукурузы, обрадованно выскакивают из своих гнёзд и набрасываются на неё, тотчас же забыв про воробья.

Перевела с молдавского Ф. МИРИНЕР

РАССКАЗЫ О ВЕЩАХ

Зимних забав спутники

КАК ТОЛЬКО выпадет снег, а мороз скуёт льдом поверхность озёр, прудов и рек, извлекают ребята из кладовок лыжи, коньки, санки и вот уже:

**Мальчишек радостный народ
Коньками звучно решет лёд.**

Санки, коньки, лыжи... Ими пользуются все мальчишки и даже девчонки. А каждый ли знает биографии этих спутников зимних забав?

Знаете, когда появились на свет санки?

Во время раскопок возле Нижнего Тагила археологи обнаружили санки, изготовленные ещё в IV тысячелетии до нашей эры. Летописцы сообщают, что на Руси сани были распространены во всех городах и весях, служили даже и для особо торжественных выездов. И не только зимой. На пыльных дорогах России даже летом можно было встретить сани, вполне заменяющие телеги.

Титулованная знать Европы использовала сани для забав и развлечений. Немецкий поэт-сатирик Ганс Сакс писал в 1520 году, что санный спорт в его стране развит так же, как охота и фехтование. Однако датой рождения организованного санного спорта в Европе считается 12 марта 1883 года. В этот день были устроены соревнования гонщиков на четырёхкилометровой трассе между городами Давосом и Клостером. В программу зимних Олимпийских игр этот вид спорта впервые был включён в Инсбруке (Австрия) в 1964 году.

Что касается названия санок, то оно произошло от древнеславянского слова «сань» (змея). И до наших дней дошло слово «полоз» — вид изогнутых брусьев санок напоминал нашим предкам змею, которая и сейчас называется так же.

У ЛЫЖ не менее солидный возраст. В одном шведском музее хранятся «старушки», которым четыре тысячи лет. По внешнему виду они мало чем отличаются от обыкновенных досок, только концы их загнуты вверх.

Историки утверждают, что на севере нашей страны лыжи появились ещё раньше. Конечно, в те далёкие времена никому не приходило в голову устраивать спортивные соревнования. На лыжах наши предки охотились, отправлялись в лес — рубить дрова.

О том, как пользовались лыжами люди древности, рассказывают наскальные рисунки тысячелетней давности. Есть они и у нас в стране, и в Норвегии. Неподалёку от Осло, в нижних этажах знаменитого Холменколленского трамплина, устроен лыжный музей и в нём выставлена фотография кусочка такой скалы. На ней виден лыжник с одной палкой. Возраст этого рисунка около двух тысяч лет.

На древних скалах у Белого моря сохранились изображения лыжников первобытной эпохи. Чтобы не провалиться в снег и в трясину на болотах, они привязывали к подошвам широкие деревянные плахи.

Наши предки отлично воевали на лыжах. Это подтверждает и летопись 1444 года. В XV веке, сражаясь с татарскими полчищами, русские ратники становились на лыжи, потому что знали: там, где увязнет и конный, и пеший, лыжник промчится с «ветерком». В 1479 году лыжная рать Курбского совершила поход по Иртышу

и Оби. Были подобные отряды в войсках Емельяна Пугачёва и его противника — царского полковника Михельсона. А в 1704 году Пётр I по особому указу поставил на лыжи почтальонов.

Лыжи, похожие на нынешние, родились у нас в стране. Шведский дипломат Пальм, побывав в XVII веке на Руси, был поражён узкими длинными лыжами наших предков и отметил: «таких нет у нас в Швеции». В ту пору шведы пользовались разнокалиберными лыжами: короткая и широкая правая служила для отталкивания, короткая левая — для скольжения.

Что касается русского слова «лыжи», то, по мнению учёных, оно родилось около 800 лет назад и имеет родственников — «елозить», «улизнуть», то есть убежать, ускользнуть.

ИСКАТЕЛИ древностей — археологи — определили и возраст коньков. Как ни странно, они появились на свет задолго до того, как люди научились изготавливать нержавеющей сталь. При раскопках в Казахстане археологи нашли лошадиные кости и определили их возраст: 3000 лет! При тщательном исследовании учёные определили, что нашим предкам эти кости служили... коньками! В нижней части фаланги лошадиных передних ног древние конькобежцы просверливали дырочки, в которые продевали ремешки, чтобы кость можно было прикрепить к ноге. Конечно, такие коньки были недолговечными, быстро стирались и ломались. Дошедшие до наших дней наскальные рисунки рассказывают, что на «лошадиных коньках», катались, отталкиваясь ото льда заостренными палками, как на лыжах: сами кости скользили плохо.

В VIII веке появились деревянные коньки с железными полозьями. В Голландии, Швеции, Норвегии и Финляндии они служили средствами передвижения. Голландские крестьяне бегали на них в город за покупками, а мальчишки и девчонки — в школу по замёрзшей глади каналов.

В 1697 году молодой русский царь Пётр I собственноручно выковал себе железные «скороходы», изгиб которых украшали изображения лошадиной головы. Она-то и дала название конькам.

Появление в XVIII веке металлических коньков ускорило развитие конькобежного спорта. Специалисты утверждают, что именно тогда от конькобежного спорта отделилось фигурное катание.

Первый в нашей стране специальный каток открылся в Петербурге в 1838 году.

С КОНЬКАМИ связан и один из самых популярных в наше время видов спорта — хоккей. До сих пор многие страны стараются доказать, что хоккей родился именно у них. Рассказывают, к примеру, что в 1869 году в канадском городе Форт Кингстоун несколько моряков расчищали ледяную площадку. Одному из них подвернулась под метлу жестяная коробка. Моряк швырнул её к соседу, тот — к другому. И пошла гулять банка по льду, вовлекая в забаву остальных матросов. Скоро эта забава превратилась в игру, только метлы заменили палками, а вместо жестянок стали гонять круглый кусок резины.

Другие истории утверждают, что ещё в XV веке у голландцев была в ходу игра с мячом — «бенди». Английские матросы наблюдали эту забаву и в 1860 году увезли её за океан — в Канаду. Но, оказывается, они никого не удивили, потому что там ещё за 100 лет до англичан уже играли в хоккей индейцы. И один из матчей окончился довольно трагически для болельщиков.

Дело было в 1763 году. Солдаты английского форта Маккинлей в Канаде услышали, что с озера доносятся какие-то возбуждённые крики. Защитники форта немедленно вскарабкались на крепостной вал и увидели, что несколько десятков индейцев яростно гоняют палками по льду небольшой шарик. Любопытные солдаты решили подойти поближе, чтобы посмотреть на игру. Но индейцы, видно, неправильно поняли их намерения. Побросав палки, они вытащили из-под одежды боевые топоры. Только нескольким англичанам удалось добежать до форта.

В 1888 году канадец Р. Ф. Смит навёл порядок в хоккее, соединив воедино местный индейский хоккей с европейским. Он выработал и первые правила игры.

В нашем городе самый первый (и притом — международный) матч состоялся 28 февраля 1899 года. Он закончился мирным исходом: и хозяева, и гости (англичане) забили в ворота противника по 4 гола.

Что касается маски вратаря, то тут не может быть никаких споров: совершенно точно известно, что изобрёл её знаменитый канадский вратарь Жан Планта. И не от хорошей жизни изобрёл: во время жарких матчей он получил три перелома челюсти, четырежды ломал переносицу, не считая других менее значительных, но довольно ощутимых травм. И вот 2 октября 1959 года, чтобы спрятать от болельщиков окровавленное и забитое после страшного удара шайбой лицо, Жан Планта вышел к воротам в маске. Такое новшество страшно не понравилось ни тренерам, ни зрителям. Но потом его оценили по заслугам. Правда, и сейчас ещё находятся вратари, которые отваживаются играть без маски, но это уже их дело.

ВОТ, оказывается, сколько событий было в жизни санок, лыж и коньков, пока они дожили до наших дней! А ведь всё это — только небольшие эпизоды из их биографий!

Н. САДОВЫН

Рис. В. Адаева

В. ФЕТИСОВ

ЗИМНЕЕ ПОЛЕ

*Распласталось белым кругом
поле ровное,
снегопадами и вьюгой
полированное.*

*Тут ни ёлки, ни сосёнки,
как в тарелке, всё бело.
Лишь далёко, на каймке,
три берёзки да село.*

Ленинградские куранты

(К фотоснимкам на 3-й странице обложки)

ЧЕТЫРЕ РАЗА в сутки — в 6 часов утра, в полдень, в 18 часов и в полночь — над Невой, над Петропавловской крепостью разносится голос колоколов, плывёт медный перезвон, сливается в мелодию Государственного гимна СССР. Огромный пятитонный колокол отбивает часы. В остальное время суток каждые пятнадцать минут звучат краткие мелодии перезвона, гремит часовой бой.

Это отсчитывают время куранты Петропавловского собора. Они лишь на 50 лет моложе своего собрата на Спасской башне Московского Кремля. Вместе с набором колоколов они были изготовлены голландским часовым мастером Ооркрасом в 1757—1759 годах — свыше двухсот лет назад!..

До них на колокольне собора в 1719—1720 годах были установлены часы-куранты, приобретённые тоже в Голландии Петром I за 23 тысячи рублей золотом. В 1756 году в колокольню ударила молния, возник пожар, и часы погибли. Сгоревшая же колокольня долго не восстанавливалась, и новые куранты никак не могли занять подходящего для них места над городом. Лишь в 1776 году петербуржцы вновь услышали музыку колокольных часов. Сначала каждые полчаса куранты играли «Коль славен...» на музыку композитора Бортнянского. Позже в каждый час они стали исполнять ещё и гимн Российской империи «Боже, царя храни», сочинённый в 1833 году придворным композитором Львовым. Такая музыкальная «перегрузка» не могла не сказаться на работе механизмов, и в 1858 году часы потребовали серьёзного ремонта.

А в 1917 году куранты, игравшие царские гимны, были остановлены. Не к лицу было революционному Петрограду жить под мелодией свергнутого царизма. Но и перестроить их на другую музыку в разгаре боёв гражданской войны было тоже не просто. Не до курантов было тогда Красному Питеру, отбивавшему натиск белых генералов, голодному, промёрзшему, с остановившимися заводами и фабриками.

Лишь московские куранты, установленные на Спасской башне Кремля, были в 1918 году переделаны по предложению В. И. Ленина. В 12 часов дня они стали играть «Интернационал», а в полночь, в память о похороненных на братском кладбище у Кремлевской стены, — революционную траурную мелодию «Вы жертвою гали в борьбе роковой».

После гражданской войны куранты Петропавловской крепости пытались восстановить, но все попытки успеха не имели. Основная трудность заключалась в подборе и настройке колоколов. Преодолеть её удалось только в 1947 году. Звучать по-новому «научили» старые часы инженер М. А. Ермоленко и композитор М. И. Чулаки. И в день 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции ленинградцы услышали новый голос своих главных часов.

К концу 1949 года были закончены и работы по автоматизации заводки часов и курантов. До этого они заводились вручную: четыре груза весом от 50 до 1000 килограммов ежедневно поднимались на тридцатиметровую высоту с помощью четырёх барабанов, наматывавших на себя стальной канат. Инженер Д. С. Гектор заставил гири подниматься теперь по приказу автоматов.

В декабре 1952 года были закончены последние работы по восстановлению часов и музыкального узла. Теперь каждый день любой ленинградец, гости нашего города могут слышать мелодичный голос оживших курантов Петропавловской крепости.

Н. Г. КОГАН, смотритель курантов
Петропавловского собора

НЕ ПОНРАВИЛОСЬ!

Путешествие по двум морям — Японскому и Охотскому — совершили обыкновенные воробы. Их привезли в Магадан из порта Находка на одном из океанских грузовых теплоходов и выпустили на волю. Однако север пришёл

ся не по душе пернатым переселенцам. В тот же день все до одного они вернулись на знакомый корабль. Снова воробы отравились в путь по двум морям. Когда теплоход вернулся в Находку, птицы сразу же разлетелись.

АРТИСТЫ... ЧЕТВЕРОНОГИЕ

Необычный театр возник в Каунасском зоопарке (Литва) по инициативе местных юннатов. Летом сотни посетителей, пришедших в зоопарк, увидели премьеру оригинального представления. В «глав-

ных ролях» выступили дикая собака динго, сиамские кошки, косолапый медвежонок. Успехом у зрителей пользовались также енот-велосипедист Нерунос и говорящие попугаи Вия и Лиль.

ДУБЫ- БЛИЗНЕЦЫ

Они растут на древней буковинской земле, в лесу, вблизи села Малые Кучеровы. По определению специалистов, деревьям более 400 лет. Они действительно являются уникальным явлением природы. Выросли дубы из одного корня, потом разделились, а на высоте нескольких метров их ветви вновь срослись. Издали могучие дубы представляют величественную картину: четыре великана стоят на лесной поляне, как бы крепко взявшись за руки.

«ЁЛКОЙ» БЫЛА... ВИШНЯ

Задолго до новогодней ёлки наши предки к новому году украшали... виш-

ню. Историки установили, что впервые этот обычай появился у славян. Они высаживали деревцо в кадку и выращивали его в комнате. К Новому году вишня зацве-

тала, предвещая добро этому дому в наступающем году.

Ёлка появилась на празднике позднее и тоже не случайно. У славянских народов ель и сосна олицетворяют мир и благополучие.

Украшая лесную красавицу, мы выражаем желание жить мирно и быть счастливыми.

...в допетровской Руси праздник Нового года не знал ёлки? Он отмечался не зимой, а в начале осени, точнее — 1 сентября. Пётр I изменил календарь и перенёс наступление нового года на зиму. 15 декабря 1699 года царь издал указ, в котором говорилось: «Считать Новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года...»

...обычай украшать наступление Нового года ёлкой к нам завезли из Западной Европы? Там ёлка была ещё в древние языческие времена, задолго до христианства. Например, в Германии праздник Нового года и ёлки справлялся зимой, в период солнцеворота.

...в Америке и Средней Азии живут «ямоголовые» змеи? У них по бокам головы расположены особые ямки-приёмники инфракрасного излучения. Если такую змею лишить слуха и зрения, то она всё равно почувствует тело, способное излучать тепло.

...телефон без проводов создан в Литовской ССР? Имея такой аппарат, можно вести разговор с абонентом, находящимся на расстоянии до двух километров.

...волки бывают не только серые, но и красные, белые и даже чёрные? Богата фауна юга советского Дальнего Востока. Именно здесь, в тайге, у побережья Японского моря, следопыты-охотники обнаружили белого, без единого пятнышка волка-альбиноса. В этих же районах были замечены чёрные волки и редчайший в мире красный волк. По свидетельству специалистов, красный волк несколько мельче своих серых собратьев и похож на австралийскую собаку динго.

...в нашей стране насчитывается 2 850 000 различных по величине озёр? Если все их поверхности составить в одну, водное зеркало займёт пятидесятую часть территории страны. Свыше 95 процентов наших озёр — пресные.

...целительное влияние леса на организм человека очень велико? Один гектар деревьев способен отфильтровать ежегодно из воздуха до 70 тонн пыли. Фитонциды, выделяемые листьями, подавляют болезнетворных микробов. Наш город окружают хвойные и лиственные массивы площадью 550 тысяч гектаров.

...в нашей области насчитывается около 500 медведей? Это установили учёные при составлении специальных карт, где точно отмечены «дома» и «улицы», на которых «прописаны» лесные жители. Карты распределения животных позволяют выявить и любопытные закономерности. Оказалось, например, что излюбленное место поселения лосиных стад — побережье Финского залива и районы Приладожья.

...сотрудник болгарской газеты «Отечествен фронт» Христо Родопски совершил пеший переход София—Москва? Старт был дан 3 марта. За шесть с половиной месяцев журналист прошёл 4000 километров. К празднику Октября путешественник пришёл в Москву.

...в Японии возле города Ивани (префектура Фукусима) обнаружена окаменелость чудовища из породы плезиозавров, обитавшего в прибрежных водах Японии примерно 70 миллионов лет назад? Длина найденного животного около 10 метров, ширина около 3 метров. Из пластов мелового периода уже извлечены череп, зубы, хребёт, кости таза и задние конечности. Работы, имеющие большой научный интерес, продолжаются.

ИЗ ЛИШНИХ БУКВ...

(Алла МАСЬКО)

Приведённые ниже слова надо превратить в новые слова, исключив из каждого всего одну какую-то букву. Например: краска — каска (лишняя здесь — р).

Лишние буквы выписывайте по порядку — прочтёте пословицу...

Сток, одок, марка, еда, ситро, корона, огород, дрок, нутро, окраска, граб, торос, дно, буер, жара, джонка, угол, лента.

ХИТРЫЙ РЕБУС

(Составил Саша ЛАСУНСКИЙ)

Вот уж действительно — хитро придуман ребус!..

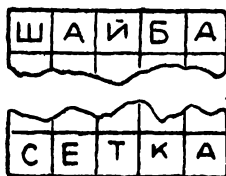
Разгадав его, вы прочтёте загадку, которую тоже нужно разгадать.

Отдел ведёт Вадим Акентьев

«ШАЙБУ! ШАЙБУ!..»

Изменив в слове «шайба» всего одну какую-то букву, получите новое слово и напишите его пониже. Это слово — также заменой всего одной его буквы — превратите в третье...

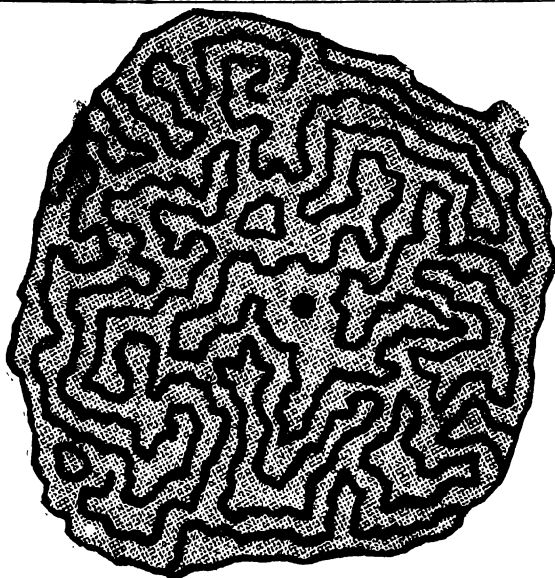

Так, переходя от одного слова к другому, доберитесь до слова «сетка». Постарайтесь, чтобы ваша цепочка не была очень длинной.

ЛАБИРИНТ

Лабиринт этот в общем небольшой, да и не такой уж хитрый, а пробраться в центр его всё же не так просто...

Попробуйте.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Разгадав этот маленький ребус, вы прочтёте, название минерала, из которого добывают окись титана.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

КРОССВОРД

По часовой стрелке. 1. Кора. 2. Зима. 3. Лука. 4. Сено. 5. Реле. 6. Лоза. 7. Пила. 8. Бита. 9. Сани. 10. Депо. 11. Мина. 12. Тина.

Против часовой стрелки. 1. Кино. 2. Зона. 3. Лира. 4. Сума. 5. Река. 6. Лена. 7. Поло. 8. Бизе. 9. Сила. 10. Дата. 11. Мена. 12. Типи.

АРИФМОГРАММА

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

ТЕСТО — БУЛКА

Тесто — тесть — месьть — масть — пасть — паста — каста — каска — ласка — лапка — папка — палка — балка — булка.

Цепочка может быть короче: каска — калка — балка — булка.

Содержание

Зимняя песенка. Стихотворение Семёна Когана	1
Далеко-далеко... Рассказ Валерия Шульжника	2
Обезьяна уистити. Рассказ Н. Слепаковой	5
Роботы. Поэма Вольта Суслова	12
Шурлюм-бурлюм, чирибук... Рассказ Сергея Бутурлина	18
Сказка о стеклянном человечке. Стихотворение Владимира Орлова	23
Поэт и его земля. Статья Владимира Бахтина	24
Сто радостей. Окончание повести Виталия Бианки	28
Необыкновенное знакомство. Рассказ Леонида Радищева	39
Толмачёво. Стихотворение Анатолия Матюнина	43
Заклинило. Рассказ Л. Шестакова	44
Что за город Ленинград? Рыболов Евгений. Стихи Майи Савостьяновой	48
Через борьбу — к победе! Очерк Д. Надеждина	49
Семья. Стихотворение Альбертины Деветай	54
Воробей. Рассказ Б. Властур	55
Зимних забав спутники. Статья Н. Садового	57
Зимнее поле. Стихотворение В. Фетисова	59
Ленинградские куранты. Статья Н. Когана	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалстных ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Вочкарева «Прибыл».

На 2-й странице обложки рисунок художника Н. Жукова «Аппассионата».

На 3-й странице обложки фотоочерк Г. Грюнталя «Ленинградские куранты».

На 4-й странице обложки рисунок-головоломка художника А. Курушина.

Редактор В. Л. БИАНКИ

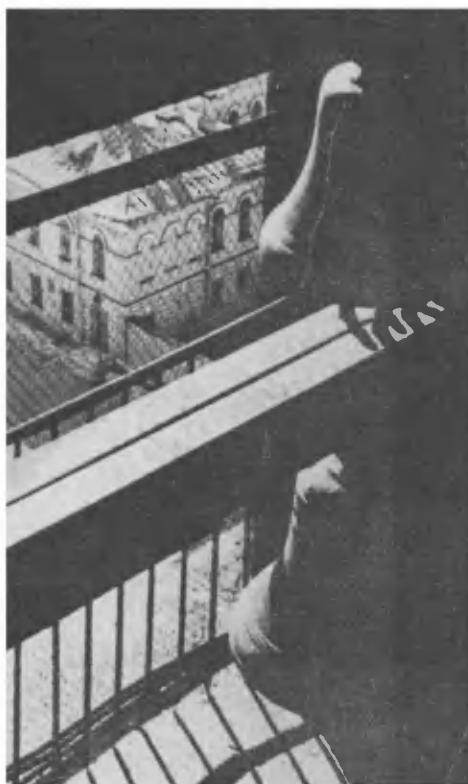
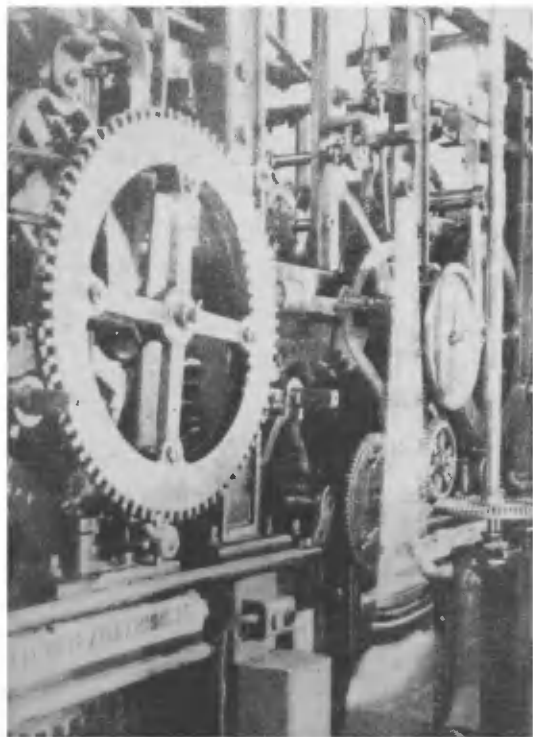
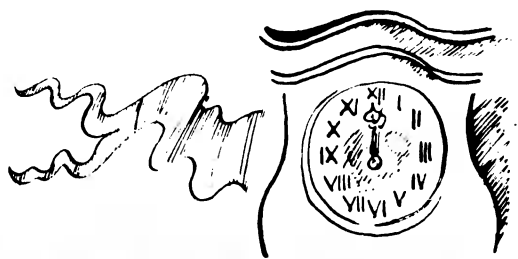
Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 29/X 1970 г.

Подписано к печати 1/XII 1970 г. 14 п. л.

М-14373. Заказ № 1705. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Одинаковы картинки? Да и нет.
В чём у них различия - секрет.

Цена 10 коп.

Поискать-так сможете найти
Тех различий больше двадцати.